

Кати Хо

*Собирая себя
из осколков*

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Кати Хо

Собирая себя из осколков

<https://litres.ru/74091754>

SelfPub; 2026

Аннотация

В твоей жизни все давно устроилось и устоялось. Семья, дом, работа. Пусть иногда бывает тяжело, но все неплохо. Все хорошо. Это твоя жизнь. Твой выбор. Ты должна нести за него ответственность, не ныть и не требовать поддержки.

Да?

Ты продолжаешься, ты движешься, ты на пределе.

На пределе?

Сможешь ли ты выстоять, когда устроенная, устоявшаяся жизнь неожиданно с размаху больно бьет тебя под дых?

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	46
Глава 3	64
Глава 4	91
Глава 5	106
Конец ознакомительного фрагмента.	115

Кати Хо

Собирая себя из осколков

Глава 1

Что-то навязчиво жужжит в тебе, в темноте спящего мозга. Будильник? Серьезно? Ты же только что закрыла глаза. Непослушными спросонья пальцами берешь телефон. Уже несколько лет он лежит под твоей подушкой ночью. Что бы ни говорили исследователи, ты еще жива. Излучение не поглотило твой разум и не вызвало опухоль. Зато будильник в пять утра не будит мужа, не мешает ему досыпать.

Жужжит. Тягучий, раздражающий звук. Открываешь немного один глаз. Какого? Час ночи. Еще четыре часа безмятежного сна. Жужжит еще... Смотришь на экран. Что за? Кто? Босс. Биг босс.

Отвечаешь на звонок. Встаешь с кровати.

— Да, Аркадий Борисович, — шепчешь в трубку.

— Ты задолбала со своей работой. Может, его в постель нашу приведешь?! — Слышишь в спину от мужа, прикрывая тихонько за собой дверь.

А в телефоне продолжается ор директора. Кажется, начало с матерками и оскорблениями ты пропустила. Сейчас начнется смысл.

— Ты совсем ох...ла, Архипова! Ты первый раз договор делаешь?! Как можно класть в папку мне это г...но!?

А, нет — маты не закончились. Но что-то уже просачивается сквозь эмоции Аркадия Борисовича. Ты стоишь на кухне. стакан воды или сразу кофе? Рев в трубке нарастает. Шансов уснуть уже почти нет. Включаешь кофеварку.

— Что случилось, Аркадий Борисович?

— Ты не смотрела договор. Ты поставила визу, не глядя.

— Это наша форма. Конечно, я проверила договор. Там исправить нужно было только шапку и реквизиты. В них ошибки быть не может. Ну и штрафы. «К-групп» настояли на очень больших штрафах. Я думала, вы из-за них разозлились. Это не я. Это их менеджер давит на наших. По форме я всё посмотрела.

— Смотрела? Ты будешь врать, что смотрела? Открывай документ!

— Аркадий Борисович, ночь, я дома, я ноутбук буду свой старый полчаса включать. Может, скажите, что неправильно?

— Вот именно, Архипова, ночь. Мне нужно, чтобы подписанный договор был утром у контрагента. А ты подсовываешь эту ересь! — Вот теперь точно маты закончились. Ересь — это уже ближе к конструктиву. Так и что? Слышишь в ухе звук уведомления. — Я покажу, где ошибка... — пыхтит в твой начальник.

Отводишь телефон от головы. Смотришь в мессенджер.

Страница договора. Пробегает глазами — ошибок нет. Ор в трубке не прекращается.

— Все верно, Аркадий Борисович.

— Архипова, ты серьезно?! Верно?! — Кажется, слюна долетает сквозь смартфон до тебя. — Заголовок! Ты видишь? Он в самом низу. Пункты переходят на следующую страницу. Как я должен понять, к какому разделу они относятся? А подписи? Ты видела, что для них не осталось места? Я должен подписывать прямо по тексту договора. Ты не можешь научиться пользоваться колонтитулами? Я лишу тебя премии.

— Аркадий Борисович, Вы уже лишили меня премии в этом месяце, за неодинаковые интервалы после абзацев. Простите, что в спешке не увидела эти недочеты. На смысл и правильность договора они не влияют. Если нужно, чтобы сделка была завтра, можете смело подписывать. Но не думаю, что стоит торопиться. Штрафы слишком высокие. Если потянуть время, то другая сторона наверняка пойдет на уступки.

— Ждать! Ты будешь говорить мне, что надо, а что нет? Ты не можешь текст напечатать, а еще лезешь в бизнес-процессы. Я уже обо всем договорился с Санычем – в среду начнется отгрузка. Как я буду выглядеть, если скажу, что из-за тупого юриста, все откладывается на неопределенный срок?!

— Почему на неопределенный? Я завтра приеду в офис. Вернее, уже сегодня. Утром все переделанное будет на Ва-

шем столе.

— Архипова, то, что все будет утром на моем столе не гарантирует подписания. Меня не будет завтра в офисе. Самолет в девять тридцать. Заехать я не успею. И не хочу.

В голове начинает пульсировать боль, сопровождающая почти каждый ваш разговор с директором. Тебе хочется прервать диалог. Понимаешь, что доказать отсутствие ошибки не получится. Просто уже заткнулся бы.

Молчишь.

Остается три часа на возможность уснуть.

— Короче, утром, к восьми привозишь договор ко мне домой. Я подпишу, и отдашь коммерсам, чтобы срочно везли в офис «К-Групп».

— Но у меня поликлиника с ребенком на восемь. Помните, мое заявление?

— Значит, в семь тридцать. Видишь, какой я добрый. «К-Групп» с девяти. Бля. Я об этом тоже должен помнить... Что за идиоты на меня работают!/? Правильно говорил Важаев — гнать вас всех надо.

— Угу. Из-за него в прошлом месяце сорвалась сделка, и мы попали на штраф в полмиллиона, — бурчишь в кружку с кофе, убежденная, что сбросила вызов. Вздрагиваешь, когда из трубки раздаётся ор начальника.

— Александра! Ты вообще ночью бесстрашная! Он мой первый зам! А значит, и твой начальник тоже.

По имени директор зовет тебя, только в высшей степени

ярости. А красивое у тебя полное имя. Давно никто так не называл. Все коллеги говорили Саша. Муж, вообще, называет Санёк с легкой подачи твоего отца, который мальчика хотел, пятого.

— Я поняла вас, Аркадий Борисович. Все сделаю. Спокойной ночи.

— Какой нахрен, спокойной, с такими идиотами.

Слышишь звон бокала о стекло, столешницы. Ну конечно, ты виновата в очередной порции коньяка. Как лезет в его проспиртованный организм эта гадость?

Отключаешься, смотришь на экран, чтобы убедиться. Наливаешь еще кофе. Руки начинают мелко подрагивать. Как все это повернуть? Офис, дом начальника, поликлиника, мужа на работу, сына в садик, а в девять часов совещание с первым замом, который и «твой начальник тоже»...

Самое сложное в этой схеме — поговорить с мужем. Почему ты можешь спорить с директором, доказывать что-то контрагентам, выступать в суде, а с мужем даже начать разговор сложно? Не то что доказать что-то. Ты проигрываешь, еще не вступив в битву, ты подстраиваешься и подстраиваешься, и все равно находится что-то, что не предусмотрела. Ты и работу, и график подобрала, чтобы ездить вместе на его машине. Но сейчас схема рушится. Отменить нельзя ни один из пунктов: работа, поликлиника, муж. Николай и так согласился поехать на работу позже из-за поликлиники. А теперь ты должна разбудить его пораньше и объяснить, что едешь

на машине по работе. Это же двойной пробог для его любимой ласточки. Ты бы с удовольствием съездила на автобусе, но садоводческий поселок, в котором вы живете, довольно далеко от города. Общественный транспорт здесь вообще не вариант.

Придется спрашивать. Главное — все успеть. Остается надеяться, что рано утром пробки из садоводов не будет. Но кто разбудит и соберет Эрика в поликлинику? Сын ненавидит просыпаться, а муж ненавидит его истерики. Да и умыть, покормить, одеть ребенка, пусть и пятилетнего сообразительного мальчишку... Нет, здесь Николай — не помощник. Придется и Эрика будить раньше и все ему объяснить.

Пошла за второй чашкой кофе. Аромат напоминает две не самые радостные вещи: ты уже не уснешь, и ты все еще что-то чувствуешь. Садись на диван. Как хорошо, что он есть на кухне. Иногда, кажется, что ты здесь живешь... Готовишь, гладишь, шьешь, читаешь... Немного потупить в книгу, и пора готовить завтрак, обед и ужин. С вечера опять ничего не успела. Уборка и огород поглощают все твоё вечернее время, которого не остается даже на занятия с ребенком. А ведь логопед предупреждала, что нужно делать упражнения каждый день, иначе все её усилия напрасны.

— Мам! — раздался возле уха самый приятный голос во всем мире. Ты настолько была погружена в себя, что не слышала звука шагов по лестнице со второго этажа. Сын будто чувствует любую возможность провести с тобой минуту на-

едине. Или даже просто поспать в обнимку. Эрик ни за что не упустит этот шанс. Даже сквозь сон он угадывает, когда ты одна на кухне.

Сын приземляется на диван с громким скрипом пружин.

— Тише, папу разбудишь. Почему ты не спишь?

— Мне стлашно. Ты забыла, что я боюсь темноты? — Ты закатила глаза — ночью эта причина была сто процентов рабочей.

— А как же твой ночник? А светящаяся постель?

— Навелное лазлядились. Так я возьму плед? Ты же еще не сейчас на лаботу? — Моргал этот пятилетний хитрющий организм, уверенный, что ты сдашься, хоть и темноты уже не осталось.

Ночь за окном отступила. Серые предрассветные сумерки крались по улицам, еще больше усиливая твою тревогу о наступающем дне.

— Сиди, я сама принесу. А то перепугаешься еще кого-то.

Приносишь плед, подушку и любимого серого подранного кота — мягкую игрушку, которая рядом с сыном почти с рождения.

— Спасибо, мам, — сын устраивается на диване, сложив на тебя все конечности. — Только убели утлом Чироя, не хочу, чтобы отец лугался. — Вот как так? Имя игрушки он произносит четко и правильно. Но только имя этого дранного плюшевого чудовища, которого вы изо всех сил прятали от мужа.

Николай терпеть не мог мягкие игрушки. И будь его воля — выбрасывал бы их, как только кто-то дарил. Сам он на такое, конечно же, не потратит денег. Муж был уверен: чтобы вырастить настоящего мужчину, ми-ми-мишные пушистики противопоказаны. Танки, машинки, пистолеты. Только по-настоящему мужские развлечения — настаивал отец. Но Эрик не разделял этого. Особенно сын боялся пистолетов со светом и звуком, поэтому был рад, что Николай, обозвав его слюняем, уже месяц не пытался поиграть с ним в войнушку. Любимого облезлого Чироя муж намеревался выбросить уже пару лет. Он его просто ненавидел и считал рассадником блох. Поэтому Чирой был спрятан в кровати. Благо в комнату к сыну Николай почти не заходил.

Ты пила кофе и ненадолго залипла в книгу, где как раз мускулистый мачо преподносил своей даме сердце, руку и много чего другого, а она все брала, брала и оставалась такой же невинной и очень ранимой. Вспомнились несколько букетов, подаренных мужем до свадьбы. Да, все у вас было. Не скули. Сейчас ты сама выращиваешь прекрасные цветы на клумбах вокруг дома.

Аккуратно переносишь назад в его комнату Эрика — легкого, будто состоящего из ниточек-ножек и ниточек-ручек. Не забываешь Чироя. Прикрываешь дверь и идешь на кухню, ощущая, как пробирается по ступням и выше холод гранитного пола. Зачем вообще в доме гранит? Сколько раз Эрик бился о него, когда падал. Но ты здесь не главная.

Блин, почему так трудно настроиться на разговор с мужем. Внутри уже все трясется.

Готовишь еду, принимаешь душ, сушишься, одеваешься. Дальше некуда откладывать неизбежное. Почти шесть часов. Хоть бы пробок не было. Только сейчас вспоминаешь из-за какой ерунды тебе нужно к начальнику, и на коже мурашками проступает злость. Как же все надоело.

— Коль, просыпайся. Доброе утро. Я возьму машину. Мне нужно на работу. До восьми. Слышал вчера телефон, это Борисыч звонил. Опять придирается к договору. Нужно исправить.

— Что? Опять утро. Привет, иди сюда...

Муж пытается подмять тебя под одеяло, но ты уже в рабочем дресс-коде — том самом, что полгода назад навязал ваш проспиртованный самодур. Юбка-карандаш синего цвета, наглаженная белая рубашка, поверх — синяя жилетка на распахку. Стюардесса плюс эскорт. Но ничего не поделать. Эстетическое восприятие Аркадия Борисовича страдать не должно.

Руки Николая пробираются под рубашку и под юбку. Тело вспоминает, что оно теряет этим утром. Как же все бесит.

— погоди, Коль. Сегодня ничего не получится. Мне срочно нужно на работу. Я должна вернуться до приема в поликлинике. Соберешь Эрика? Одежда на стуле в кухне.

— Какая работа!? Ты нормальная вообще? Шесть утра?

— Мне нужно. Помнишь ночью директор звонил? Я до-

говор перепечатаю и подпишу у него. Сегодня сделка — ребята должны успеть увезти его контрагенту.

— Мне пофиг. Кто виноват, тот пусть и переделывает. Моя жена должна быть в постели.

— Ну, Коль, ну это я виновата. То есть не виновата. Но Борисычу не докажешь.

— Бля, почему я должен это слушать. Ты вечно косячишь! А если и нет — все равно не можешь доказать ничего. Мямля. Нахрена вообще тебе эта работа? Сидела бы дома. Зато все успевала бы. Вон у Лехи — сидит баба дома, в теплице ковыряется, довольная и счастливая.

— Ага, из одежды у нее один халат с дырой на попе и размером она с теплицу. Коль, мне правда надо, и нет времени. Ну я поехала? Ты слышал про Эрика.

— Он же начнет ныть.

— Не начнет. Я его сейчас разбужу.

— Из-за тебя все страдают. Ты понимаешь это? Все из-за тебя! Как мне осточертело. От твоей работы одни проблемы. Вообще-то я обеспечиваю семью. И должен мучиться. Сука, как ты меня заебала! — Николай откинулся на подушке, посмотрел на часы. — На полчаса раньше? Seriously? И без секса...

Последние слова доносятся уже тебе в спину. На глаза наворачиваются слезы. Но не до них сейчас. Забегаешь в комнату Эрика. Шуршишь возле уха фантиком от конфеты. Неизменно работает. Зомби-Эрик вытягивает руки вперед и

садится на кровати.

— Ма... — готовится к истерике.

— ТШШШ... Пожалуйста вставай сегодня очень тихо. Я поехала на работу. Одежда на стуле. Блинчики и варенье на столе. Папа присмотрит за тобой. Но ты же понимаешь — лучше, если ты все сделаешь сам.

Дожидаешься осмысленного взгляда в ответ и несешься к машине. Заводишь немолодой, но блестящий, отмытый седан с дорожными чехлами на сиденьях и с новой кожаной оплеткой на руле. Да, если бы в тебя столько вкладывали, может ты и не работала бы никогда. Но, увы, ты помнишь, как вымаливала каждую обновку себе и сыну, поэтому тебе и нужна эта работа.

Пока едешь до города, воспоминания прокручиваются в голове, всплывают разными — яркими и тусклыми, не особо приятными картинками, вызывающими боль в груди.

Николай очень разозлился, когда ты собралась выходить на работу. Сколько было слез и споров до того, как тебе удалось найти эту вакансию, а еще больше потом, пока ты убеждала мужа окончательно согласиться с тем, что тебе надо работать. Эрику тогда не исполнилось и трех лет. Он был спокойным ребенком, но очень боялся людей. Буквально прятался за тебя, когда с ним кто-то пытался заговорить. Возможно, сказывалось уединенное существование в садоводстве. К вам никто не приходил, вы ни к кому не ходили. Из других людей была только Юлька, сестра мужа, живущая с

вами после смерти родителей. У тебя подруг почти не осталось, у мужа друзей и не было. Лишь какие-то соседи, которым все время надо было что-то одолжить или починить мопед. Но их визиты ограничивались гаражом: либо соседи приходили в гараж к мужу, либо Николай уходил к ним. Ты старалась не пересекаться с ними.

Тебе нравилось водить ребенка в детские центры, парки, показывать ему мир. Столько всего! К тому же после осмотра невролог посоветовал обратиться к логопеду. Это тоже платно. И это не все. Ты собиралась попробовать разные кружки для сына. Вдруг он станет известным футболистом, а вдруг — художником. Ты хотела одевать ребенка в нормальную современную одежду, а на весь импорт тогда цены взлетели в разы. Столько всего было нужно!

Однако все, что не касалось ремонта дома, машины и минимального набора продуктов, муж считал бессмысленной тратой денег. И ты решилась, настояла на своем. Ты старалась предусмотреть все. Очередь в сад Эрику еще не подошла. Деть его было некуда. Ты добилась места в детском саду рядом с предполагаемой работой. И вот настал день «X». Тебе назначили собеседование с директором. Предварительно ты прошла телефонное интервью с отделом кадров, с юристом, курирующим предприятие на аутсорсе, сдала тесты. Осталось оно! И можно выходить на работу. И в полный рост встала проблема: с кем оставить Эрика в этот день. Если тебя возьмут, он пойдет в садик, а если не возьмут? Нельзя схо-

дить в садик один день, а потом бросить.

Юлька — в санатории. Твои родители далеко в деревне. Казалось логичным, чтобы за ребенком присмотрел отец. И пусть он ни разу не оставался с сыном, но в этот день ты умоляла Николая выкроить полчаса. Но и у мужа на работе появились важные, срочные дела. Как же ты хотела разрыдаться тогда, стоя перед зеркальным офисом. Ты смотрела на себя — русую, или скорее серую, мышь с тенями под глазами, всклокоченной гулькой на голове, — и на белобрысого человека, тебе по колено, который так вцепился в твою руку, что неровные ноготки продирали твою ладонь до кости. Шаг назад, два шага вперед. Холл. Лифт. И вот ты стоишь в приемной.

Вероники Андреевны, бессменного секретаря, как раз не оказалось в тот день. Иначе никто бы тебя с маленьким ребенком не пропустил к самому директору. А так, ты робко постучалась и смело распахнула дверь. Эрик зашел с тобой, замер, а затем пронзил тишину своим воплем. Потому что любой маленький ребенок перепугается до смерти, если из пространства между пуговиц на розовой рубашке незнакомого дядьки, на этого ребенка посмотрит огромный волосатый... пуп...

Ни один нерв Аркадия Борисовича не дрогнул. Он смотрел прямо на тебя. Ты — на него. А Эрик — на его пуп. Первой очнулась ты. Подхватив Эрика на руки, ты наконец отвернула его от устрашающего волосатого нечто. Сын уткнул-

ся тебе в шею, и чуть успокоившись, стал тихонько всхли-
пывать.

Уже неплохо, можно приступать к диалогу.

— Добрый день, – решительно произнесла ты, будто исполняя указания из обучающих вебинаров и следуя советам коучей. — Меня зовут Александра, и я буду здесь работать юристом.

— Прекрасно, Сашенька, значит, — прозвучал ответ. — Меня зовут Аркадий Борисович. Присаживайтесь.

Ты уселась за стол, напротив директора. Мысль, робкая, но настойчивая теплилась в душе: раз уж не выгнал, значит, принял. Показал бы уже тебе твое рабочее место. По ходу ты бы разобралась, что и к чему. Но Аркадий Борисович увлеченно рассказывал в подробностях о заводе, людях и целях, не обращая внимания на твой скучающий вид, и то, что Эрик уже побывал под стулом, под столом и на столе.

Под конец, когда твой сын намеревался пересадить фикус из горшка возле двери, и уже запустил обе руки в землю, директор сжалился.

— Ну что ж, Сашенька, раз все понятно, пойдем покажу твое рабочее место. А то секретарь у меня сегодня отпросилась, и я все сам.

— Хорошо. — Ты встала, подхватила недовольного Эрика и очертила границы, — только пожалуйста, называйте меня Александра, и на «Вы». Не хотелось бы, чтобы весь коллектив стал относиться ко мне фамильярно.

Да, ты такая. Ты личность. Самодостаточная и целеустремленная.

— Конечно-конечно, — улыбнулся поверх трех подбородков этот... твой будущий руководитель и объявил перед ожидающимися планерки в приемной начальниками отделов. — Добрый день всем! Это Саша, наш новый юрист! Прошу любить и жаловать!

Так с легкой подачи директора ты для всех стала Сашей. Но зато у тебя появился отдельный кабинет — небольшой, но с двумя столами, стеллажами, тумбочкой, стульями для посетителей. До встречи директора с Эриком тебя хотели посадить в одно помещение с кадровой службой. После собеседования с участием белобрысого непоседы Аркадий Борисович резко передумал и одарил тебя отдельным пространством и правом приводить сына в случае необходимости. Ты могла приходить в офис в любое время дня и ночи, если что-то не успела днем из-за похода в поликлинику с сыном.

Вот и сегодня ты идешь через проходную в шесть сорок утра, а охранник улыбается во весь рот и радостно машет:

— Доброе утро, Саша. Что-то ты рано сегодня?

Ты очнулась от воспоминаний, улыбнулась ему в ответ.

— Я на минутку, договор возьму. Потом часов в девять приеду и на весь день. Поднимаешься, распечатываешь, внимательно читаешь и смотришь заголовки. Все правильно. Ты всегда так делаешь, а тот договор, за который получила ночью, распечатывали коммерсы, потому что надо было сроч-

но.

С договором едешь к директору. По времени успеваешь. Домофон. Лифт. Дверь. Заходишь в коридор квартиры, утопающей в позолоте. Большой босс в халате, слава богу, длинном и очень плотно перетянутом пояском. Аркадий Борисович уже умыт. Его слегка седые редкие волосы еще влажные, но на лице нет щетины. Можно было бы сказать, что он свеж, но мешки под глазами выдают, что стакан виски вчера был не один.

— Аркадий Борисович, надеюсь вы вызвали Павла, чтобы он отвез вас в аэропорт? — вырывается из тебя вместо приветствия. Не хочется отмазывать босса еще и от ДПС. Сейчас это почти невозможно, а он из тех, кто думает, что юрист за деньги может договориться с кем угодно, и все решить.

— И тебе доброе утро, Саша. Ты не моя супруга, чтобы за меня переживать. Хотя ей-то и подавно плевать на меня. Привезла?

Ты отдаешь договор директору, а сама почему-то думаешь о его жене. Уж точно не она наводит этот идеальный, сверкающий порядок и чистоту в двухуровневой квартире. Она то на Мальдивах, то в ресторане с подружками, то еще где-то. Обычно женщина не в городе и даже не в стране. Директору проще оплатить ей курорт, чем слушать о том, что на его голове выросла очередная ветка прекрасных упругих рогов. Мужчина возвращал свою даму сердца на родину, как правило, перед официальными мероприятиями. Блестящая

и помолодевшая — она была идеальна, чтобы похвастаться, а к тому же наглядно продемонстрировать инвестиции Аркадия Борисовича в ее неувядающую красоту. Пусть жена и была намного младше директора, но время коснулось и ее. Без коррекции — никуда.

— Так ты говоришь, что штрафы слишком большие? — Твои глаза, затуманенные усталостью и раздражением, останавливаются на мужчине. Ты изо всех сил пытаешься удерживать ускользающие мысли, вернуть их в реальность.

— Да, я же об этом Вам ночью сказала.

— Хм...

— Но вы сказали, чтобы я не лезла туда, куда меня не просят.

— Знаешь, Саша, думаю, ты права, — раздается из рта Аркадия Борисовича.

Твой же рот, следом за челюстью, сползает вниз. Внутри тебя — немой, заглушенный звериный рык.

— Давай-ка повременим с подписанием. Я позвоню Санычу, скажу, что без ножа нас режут. А ты подготовь приемлемую версию. Так что, я пока оставлю этот экземпляр у себя. До свидания. Я в офисе не раньше, чем в четверг появлюсь. Пора навестить мою дражайшую половину на Сейшелах.

Не произнеся ни слова, ты поворачиваешься к директору спиной и выходишь. Ну епрст! Ну блиин! Зря не спала ночь, разозлила мужа, сгоняла машину такую даль. Теперь,

если еще и в поликлинику не успеешь, можно ставить крест на этом дне.

Двери лифта распахиваются, а внутри стоит ваш айтишник Виталик с крохотным шпичем на руках. Люди еще только собачку выгулять собрались, а у тебя уже целый день на смарку. «Да как так-то?!» — теперь вся контора будет сплетничать о тебе и Борисыче. Оказывается, день может быть еще хуже.

— Привет, Саша. А что это ты делаешь на этаже Аркадия Борисовича в семь тридцать утра?

«Ну да... Еще бы он не сопоставил эти два факта...» — проносится у тебя мысль.

— Документы привозила.

— Мммм... — Виталик смотрит в твои пустые руки. Раз документов у тебя нет, значит, ты оставила их директору. Что тут такого? Но глаза молодого человека загораются искоркой. — И зачем? Шеф ведь улетает за границу к своей благоверной через пару часов.

«Ну да, еще бы он не знал...»

— Я привезла на подпись, чтобы потом увезти, а он не стал подписывать. Ты же знаешь, он вечно до всего докапывается.

— Ну конечно-конечно... Теперь понятно.

Блиин, теперь вся контора будет обсуждать, спала ты с шефом или нет. Поверят Виталику, может, и не все, но темой разговора тоже не хочется быть. Поздравляю, Александра,

ты самый везучий человек на свете.

— Ну вот как-то так... — Лифт останавливается на первом этаже, и ты пулей вылетаешь из кабины, не дожидаясь шпица, Виталика и его ценных комментариев.

Сядишься в машину, провераешь, не забыла ли чего. Заводишь «ласточку» и аккуратно трогаешься с места, потому что может произойти что угодно с тобой: ты можешь опоздать, получить выговор от шефа, устать, умереть, но машину нужно водить аккуратно и с минимальной нагрузкой на агрегаты.

Звонишь Николаю. Трубку никто не берет. Хорошо, что лето и не нужно надевать верхнюю одежду. Даже если что-то пошло не так с попытками одеть Эрика, у тебя еще есть шанс.

Уже на полпути к садоводству и почти в восемь тебе звонит бухгалтерия:

— Саша, ты где? Мы не можем найти договор. Задерживается срочная оплата.

— Еще нет восьми утра. Неужели нельзя оплатить позже? Договор, который вам нужен, в папке. Мы вчера со снабжением проверяли. Ну или подождите. В девять ноль ноль я точно буду на работе, Эмма Эдуардовна, и все найду.

— Мне надо сейчас!

— Вас так плохо слышно, — шуршишь в динамик фантиком, который положила в карман после подъема Эрика. Отключаешь вызов. Включаешь режим полета.

Когда ты в мыле и пене без пяти восемь заруливаешь на участок, тебя никто не ждет: ни одетый сын, ни собранный муж.

Не глушишь машину, залетаешь в дом.

— Мама, я поел, — выходит довольный в некогда чистой, а сейчас с пятном варенья футболке, Эрик.

Поел блин блинчиков. Ты, набирая полную грудь воздуха, смотришь не в распахнутые глаза сына, а прямо на его пузо. Эрик оттягивает футболку и утыкается взглядом в пятно.

— Ой!

— Ты че сделал? Я тебе сказал поесть, а потом одеться!
— из-за твоей спины раздастся ор Николая.

— Я хотел, чтоб быстрее, — у сына слезы на глазах. Он, как и ты, боится, когда рядом повышают голос.

Поворачиваешься к мужу и видишь расслабленное полу-голое тело.

— Коль, а ты где был? Ты до сих пор в трусах. Мы опаздываем, уже почти восемь.

— А я нафига с вами поеду? Делать мне больше нечего — ждать вас неизвестно сколько возле поликлиники. Заедешь за мной после.

— Но, Коль, это еще минут пятнадцать крутиться. Мне же на работу... И так бухгалтерия уже звонила, орут — не могут найти договор. Еще Эрика в садик заводить...

Переодевая Эрика, ты говоришь последнее скорее себе, чем мужу. Спорить с ним бесполезно. Николай уже вышел

на улицу. Хоть кто-то успевает наслаждаться весенним теплом. Ты последние годы замечаешь смену времен года лишь по смене сезонных работ: рассада, потом огород, потом заготовки каких-то непонятных салатов, которые так любила мама Коли...

У поликлиники ты в восемь десять. Хорошо, что она в ближайшем поселке, а не в городе. Или нехорошо? Уже непонятно, ведь в городе — ближе от работы.

Телефон трезвонит без остановки, как только ты вырубашь режим полета. Вот он и первый зам. Ему что надо? Некогда. Дергаешь дверь старого здания. Поликлиника закрыта. В небе раздается гром. Ливень следует через мгновение. Под козырьком тут же столпился с десятков непонятно откуда набравших мамашек. Все кудахчут, как в курятнике. Но ты первая. Ура! Отвечаешь на звонок.

— Добрый день, — сохраняешь остатки самообладания.

— У кого добрый?! Архипова, ты решила парализовать работу предприятия! — противный бас Важаева в трубке как раскаты грома в майском небе... — Где договор на поставку цемента? Где ты? Что, мать твою, происходит? Почему ты не на работе?

Пожалуй, ответить стоит на последний вопрос...

— Я отпросилась в поликлинику с сыном. Через минут сорок буду в офисе. Извините, что так получилось.

Пока отвечала на звонок, не заметила, что чуть отошла от облезлой двери. Воспользовавшись твоей заминкой, в по-

ликлинику после открытия хлынул поток стоявших, вообще-то, за тобой людей. Одним — просто спросить, другим — взять карточку. Некоторые молча крадутся. Идешь напролом, волочишь ничего не понимающего Эрика. Надо успеть сделать прививку, пока он не сообразил, что к чему. Иначе сын даже горло не покажет. Истинный мужчина — боится врачей до истерики. Толкаешь кого-то плечом. Случайно, конечно, но делаешь вид, что специально. Сообщество мамочек в поликлинике — беспощадное людское море. Здесь или ты, или тебя. Ведь они же рожали.

Горло показать удалось, а вот фонендоскоп стал последней каплей. Держишь ревущего монстра, будто у тебя шесть рук. Медсестра делает укол. Блин, рот нечем зажать. Логопед бы восхитился потоком ругани без единого заикания, отец тоже бы гордился своим сыном. А у тебя горит лицо — похоже, к тем, кто материт тебя этим утром, присоединяются милейшая медсестра, очень вежливый врач и приличные мамочки «цветочков», у которых ушки завяли, как листочки неполитого спатифиллума.

Откуда в прелестном, воспитанном ребенке берется этот монстр при виде людей в белых халатах — совершенно непонятно. Но ты уже привыкла. За пять лет ты поняла, что поликлинику нужно просто пережить. К окулисту, пожалуй, записывать пока не будешь. Два года назад эта старушка-божий одуванчик чуть не лишилась пальцев, когда пыталась закапать в глаза твоему сыну. Вердикт был суров: «Прихо-

дите, когда ребенок станет адекватным или вы сможете его удержать». В общем, держать его стало еще труднее, так как он стал длиннее и сильнее. С адекватностью как будто стало чуть лучше, но подождешь еще.

— Мам, я их всех ненавижу! — как ни в чем не бывало разговаривает с тобой Эрик, пока идете до машины. — Вижу врача и ничего с собой поделывать не могу. Тебе опять было стыдно за меня, да?

Эрик прекрасно выговаривает букву «р». Он спокоен, слезы уже высохли, а твои нервы закончились еще ночью. Сейчас какой-то автопилот. Отвечаешь что-то, чтобы ребенок не чувствовал себя ненормальным.

Интересно, а ты сама как поймешь, когда начнешь сходить с ума? Когда перейдешь ту черту, за которой уже нет возврата. Сколько еще бессонных ночей, дурацких нападков и потока всего того, с чем придется справляться, нужно просто переждать.

— Мы в садик сейчас, мам? Я забыл машинку дома. Папа будет рад, что я иду в сад с машинкой, а не с игрушкой для слюняев. К тому же я обещал. Надо обязательно ее взять, а то Глеб не верит, что она может переехать осенний ботинок.

— А ботинок тоже повезешь? Сейчас почти лето, что будете переезжать?

Сын задумался.

— Пожалуй, можно скрутить коврик, который у порога в спальню.

Все хорошо. Его эмоциональное состояние ровное, он настроен на интересное продолжение дня. Где бы тебе взять такой переключатель между «ненавижу всех» и «какой чудесный день»?

Дома тебя встречает тишина. Ты поднимаешься в спальню. Николай в постели залипает в телефоне.

— Коль, ты еще не одет? Мне уже оборвали телефон. Еще же Эрика в садик заводить. Одевайся, пожалуйста.

— Ты вернулась? Ну и что, эта истеричка? Опять верещал на всю шарагу?

— Коль, он тоже зашел со мной. Хочет взять машинку в садик, — намекаешь, что сын может услышать, как его называет отец.

— Машинку? А что не плюшевого зайца? Пытается косить под нормального? А все из-за тебя. Кто в здравом уме называет сына Эриком? Эрик Николаевич — это вообще как?

— Прекрати, умоляю. Он же все понимает, ему пять лет. Я всю беременность говорила, что мне нравится это имя. Ты был не против.

— Я не был против, потому что думал, что это несерьезно, что он родится и мы решим.

— Но тебя не было, когда он родился. Рыбалка на краю географии — вот то, что нельзя было пропустить. Или это была охота. Ты был недоступен. Я звонила тебе. Зачем ты опять возвращаешься к этому? Ничего уже не изменить.

Скажи, почему ты все еще в трусах?

Муж отрывает взгляд от телефона и небрежно почесывает затылок.

— Я позвонил на работу — могу сегодня не ходить. Пропущу день. Поковыряю что-нибудь в сарае. Алик мотик свой притащил глянуть. Может, удастся починить.

Ты чувствуешь, как внутри нарастает отчаяние, но стараешься сохранить остатки самообладания. Дополнительные пятнадцать минут — крюк домой, который можно было бы не делать, если бы муж просто позвонил.

— Прекрасно, тогда я оставлю Эрика. Он после прививки. Лучше понаблюдать за ним.

Конечно, муж не согласился. Да и наблюдать — это совсем не про него. Он опять все меньше замечал ребенка. Когда Эрик был совсем маленький, муж оправдывался тем, что боится его поломать. Где-то с год назад он попытался с ним поиграть. Начал покупать машинки на радиоуправлении, танки, солдатиков, пистолеты. Все это было светящимся, со звуком, иногда даже с вибрацией. Эрик никогда не любил такие игрушки, он мог из палки, веревки и кубика соорудить что-то, во что играл весь день, но вот нечто самоходное, да еще и громкое, повергало его в ужас. Николай, обозвав сына слюнтяем, наигрался сам вдоволь, не обращая внимания на вопящего от страха мальчишку. А теперь старался пересекаться с сыном минимально. Так что понаблюдать — это ты загнула. Даже если бы ты оставила Эрика дома, никто бы за ним не

смотрел, даже накормил, вряд ли. Муж вообще никогда не соглашался сидеть с ребенком. Боялся его, что ли?

Ты садишься в машину, смотришь в зеркало заднего вида на белобрысого мальчишку — он выглядит очень задумчивым, сжимает машинку до белых костяшек и морщит лобик. Скоро выдаст реплику, которая сделает твой день. Ну или окончательно добьет.

Едешь на работу. Жалко потерянного на выяснение отношений времени. Тем более что ничего и не выяснили. Все разговоры заканчиваются скандалами. Все твои вопросы остаются либо без ответа, либо все переворачивается вверх дном и ты оказываешься виноватой во всем, даже в том, что задала дурацкий вопрос. Но сильно не газуешь. Ведь в спину опять прилетало традиционное напутствие, что машину нужно беречь. И лучше бы было ехать на автобусе. Подумаешь с ребенком, подумаешь, ты опоздаешь, зато его «лялька-машинка» будет дома блеснуть и радовать глаз.

Твои же глаза равнодушно смотрят на красивый сосновый лес за окнами по краям дороги, свежую после дождя зелень, уходящую под деревья. Раньше это казалось чудом — лес почти в городе. Но сейчас ты настолько устала, что вряд ли заметишь, если вместо вечнозеленых великанов появится бетонный забор. Просто едешь из пункта «А» в пункт «В». Просто живешь от одного дня до второго, до следующей недели, сезона, года... Может кто-то занял твое тело и ведет его от зарплаты до зарплаты, от платежа к платежу, от

задачи к задаче?

— Мам, а почему папа меня не любит?

Слова твоего сына, острые, как осколки стекла, впиваются в самое сердце, выбивая воздух из легких. Нога инстинктивно вдавливают педаль тормоза, а металлические тиски сжимают грудь. Выдох. Вовремя приходишь в себя, чтобы ехавший сзади пикап не растоптал тебя и, особенно, машину.

— Почему не любит? Он очень любит тебя, малыш.

— А почему он тогда все влемея лугается, олет или не видит меня?

Господи... К этому тебя жизнь с утра не готовила. Замечаешь, что буква «р» опять растворяется в лепете ребенка, превращая слова в ласковое, но тревожное журчание. Явно, проблема с речью — не для логопеда, а для специалиста посерьезнее. Ставишь галочку в сознании: подумать об этом позже. А сейчас нужно что-то ответить. Чувствуешь, как сын, насупившись в детском кресле, испепеляет твой затылок взглядом.

— Просто у папы много работы, он сильно устает... К тому же, никто не научил его общаться с маленькими мальчиками. У него же нет братьев, только младшая сестра.

— Ну да, Юльку он очень любит, и лазговаливает с ней всегда. Обнимаются они еще. А меня он никогда не обнимает.

— Ну ты же мальчик... И они не так уж часто и обнимаются. Просто это правильно обнимать человека, когда долго

не видел. Когда она из санатория, например, вернулась.

— Нет, мам. Когда ты на работе зимой проект заканчивала, они почти каждый вечер на диване лежали и обнимались... А мне зато в телефоне Юлькином новым лазлешили лазить!

Смысл слов не успевает долететь до тебя. Ты лишь почувствовала, что сын успокоился. На большее нет времени. Подъехала к работе. Еще рывок в детский сад и обратно. Ты специально выбрала садик, чтобы не крутиться на машине по дворам, ведь Николай этого терпеть не может. Тебе гораздо проще пятнадцать минут бегом — и ребенок в саду, а ты на работе. Лишь бы муж лишний раз не нервничал.

В офисе первым делом находишь для бухгалтерии договор, который и не терялся. Выслушиваешь все, что они о тебе и твоих вечных личных проблемах думают. Ну да — уже полдесятого. Ты клялась, что будешь в восемь тридцать. И вообще, если бы не особое отношение к тебе Аркадия Борисовича, катилась бы ты деловой колбаской отсюда. Похоже, Виталик уже чинил технику в этом террариуме. Теперь вся контора знает, где ты была сегодня утром. И тот факт, что договор начальник так и не подписал и документально тебе предъявить нечего, зачтется не в твою пользу.

Возле кабинета топчутся три человека: два из снабжения, один незнакомый. Ну что — как в поликлинике — через одного. День закрутился водоворотом вопросов, проблем, задач, звонков и встреч. Обед. Обед прошел. Ты так и не по-

ела. Как всегда. Желудок съел сам себя. Надо поесть. Часа в два. Через десять минут пойдешь греть блин, который успела захватить из дома. Сколько времени? Почти три? Пора. Встаешь, поправляя дресс-код.

Дверь распахивается с оглушительным хлопком, будто вот-вот слетит с петель. Важаев Владимир Сергеевич — первый зам, который «и твой начальник тоже». Неопределенного возраста и компетенций. Лысоват, пухловат и непроходимо ничего не понимающий в работе бетонного завода.

— Архипова, как долго это будет продолжаться!? О планке было объявлено всем!

До чего же он противный... Зубы еще вроде кривые. Вот насколько все-таки поведение человека отражается на его внешности. Улыбнулся бы он тебе приветливо — и зубы, бы по-любому, были обычные.

— Владимир Сергеевич, я предупредила директора и бухгалтерию. Меня не было всего полтора часа. Я уже все успела сделать. Контора стоит. ОБЭП не нагрянул. Если у вас есть ещё вопросы, я слушаю.

— «Слушаю»?! Я что, к терапевту на прием пришел?!
Слушает она меня!

Как же хотелось щелкнуть пальцами, чтобы это рыхловатое тело и синюшное лицо провалились сквозь землю. Голова раскалывается. Слегка опускаешь глаза — замечаешь у мужчины в руках бумаги. Значит, все-таки по делу. Надо перевести разговор в профессиональное русло. Поднимаешь

глаза на почти-босса. Тянешься рукой к бумагам.

— Это для меня? — из последних сил скалишься улыбкой идиотки.

— Естественно, Архипова. Я нашел золотую жилу. Бетон — это мелко. У нас уже есть гараж с бетономешалками. В технике мы разбираемся. Мой приятель в соседнем регионе продает готовый складской терминал с парком техники. Там фуры всех мастей. Очень выгодное предложение и проверенный продавец. Кредит Борисычу, думаю, дадут без проблем. Так что вот. — Он грохает на твой стол пачку уже истрепанных, пока орал, бумаг.

— Сроки?

— Ха-ха, ты реально странная. Вчера.

— Хорошо. Я изучу все к понедельнику. Совпадет с еженедельной планеркой. Как раз Аркадий Борисович прилетит.

— Планерка и послезавтра будет. Я опять сам проведу, без проблем. В пятницу нужно обязательно собираться и подводить итоги. Там и озвучишь все действия и риски в связи с покупкой нового направления в бизнесе.

— Но я считаю, нужно сначала обсудить все с директором, собраться узким кругом. Вы же экономисту и бухгалтерии тоже передали копии этих бумаг? — задаешь наводящие вопросы. Иначе не догадается.

— Само собой. Я все им передал. Но ты обязательно отсканируй и отправь им. Пусть все будет еще и в электронном виде.

«Передал он. Как же?» — хмыкаешь про себя.

— Хорошо. К понедельнику.

— Да, я и говорю — к понедельнику! — мужчина сжал кулаки, и синюшное лицо еще и покраснело от злости. — И начни уже присутствовать на работе. Вечно тебя где-то нет.

Ты открываешь рот, чтобы возразить. Но отвлекает вибрация телефона на столе. Воспитательница. Предчувствие все-ленского краха тут же опустилось на твои плечи.

В трубке говорят, что у Эрика температура тридцать восемь и пять, и они не имеют права кормить его лекарствами, могут вызвать скорую, но не факт, что его не увезут в стационар. Им вообще этого ничего не надо. В конце милый голос Инны Владимировны сообщает, что они уже собрали ребенка рюкзачок и ждут тебя в течение десяти минут.

Поднимаешь глаза и смотришь в налитые кровью злые глаза Важаева. Да... Как сказать, что тебе надо срочно идти?

— Владимир Сергеевич, мне нужно отлучится буквально на пять минут. И после я вплотную займусь этим важным вопросом. И все сделаю, может в пятницу даже успею... — ты вжимаешь голову в плечи так, что воротник белой рубашки впивается за ушами.

— Аррррррррхипова! Александррррра!

«Ой, как зарычал. Красивое у тебя имя все-таки», — на нервах подумала ты, все дальше пряча голову в плечи. Со-всем вжаться мешала резиночка от стянутых в низкий хвост волос.

— Просто у сына в садике температура поднялась. После прививки. Я должна его забрать. Они хоть и знают, что не заразный, но боятся. У них — инструкции.

У тебя аж губа затряслась. Пора бежать. А ты все еще оправдываешься.

— Конечно, иди! Это же температура! Нельзя с ней шутить. В садике точно ничем не помогут.

У почтибосса меняется тон, тембр и настроение. Твоя губа перестала трястись и, казалось, упала на пол от удивления.

— Спасибо.

Ты начинаешь собираться: сумка, ключи, машинально выкладываешь на стол запасные колготки. Владимир Сергеевич продолжает вещать.

— Если далеко, давай я подвезу. Или еще что-то нужно? Прививки — это серьезно. Как щас помню — моя Элочка терпеть их не могла. Мы с женой с рождения ее вместе на прием к врачу, и на все прививки и другие процедуры водили. Эх... Держал ее, если отбивалась, а она всегда отбивалась. Прыткая такая росла. А потом договорились с ней как-то и жену перестали в поликлиники брать. Максимальное дочке внимание нужно было от меня — и все — сразу милашка. В садик тоже не дал ее водить. С женой дома была, ну или со мной, когда моя уставала.

Он говорил, пока ты спускалась на первый этаж. А ты не заметила, как по щекам покатались ручьи из теплых соленых слез. Лишь когда одна попала на искусанную губу и защипа-

ла, ты поняла, что плачешь.

— Саша, ты чего? Ну ладно, забыли. Забирай мелкоту из сада. Можешь даже домой поехать. Чего расплакалась-то? Это же я по работе просто. Не со зла.

— Спасибо, — кое-как выдавила ты из себя.

Ну как ему объяснить, этому увальню, что ты плачешь не из-за его воплей, а из-за того, что, если ты сейчас завезешь Эрика домой, муж отправит его с тобой обратно на работу. Какие поликлиники вместе? Какое «порешать вопросы без тебя»? Даже когда ты сама лежала с температурой, Эрик, еда, дом, огород — все либо оставалось на тебе, либо ждало, пока ты выздоровеешь, а дела накапливались снежным комом.

Забираешь из садика сына. Даешь жаропонижающее, и вы вместе работаете до вечера. В кабинет никто не заходит, потому что привыкли: если сын здесь — значит, заболел. Так как заразиться никто не хочет, тебя и не беспокоят. Вот такой он — твой мелкий защитник от спама.

Домой возвращаетесь ближе к семи. Проскальзываете мимо свежих грядок. Скоро полоть, а еще ничего не вошло путевого. Поднимаетесь на крыльцо. Смотришь на веранду, больше похожую на холл в городской квартире. Сколько же вы к этому стремились — чтобы сельский дом был похож на цивильную квартиру? Вместе, вдвоем.

Хочется увидеть в глазах Николая подтверждение, что все не зря, что он любит и ценит, и от вас вдвоем остался не только общий быт. Однако муж голодным и злым взглядом

пригвозждает тебя к порогу в коридоре. И ничего, что он был весь день дома, а ты на работе. Его организм не заточен, чтобы даже себе готовить еду. Судя по запаху какой-то химии, возился с соседским мотоциклом. Это же настоящая мужская работа. У тебя нет сил. Единственная мысль в голове. «Этот день, как и все остальное, пройдет».

— Ну чего так долго? Я скоро в голодный обморок упаду. Задолбался тебя ждать. Ты не забыла, что работаешь до пяти?

— Я утром задержалась по своим делам, поэтому вечером задержалась на работе. Всегда же так было, если большая загрузка.

Снимаешь жилетку, мажешь губами по щеке мужа, царапаясь о щетину. Не брился — не на работу же. Иногда в тебе просыпается нечто темное, ядовитое, замечающее малейшие недостатки. Но что-либо говорить ты не будешь. Никому не интересно твое мнение и недовольство. Так зачем нарываться на скандал на ровном месте? Поводов поругаться и так хватает в последнее время. Может, какой-то кризис очередного цикла вашей семьи? Все психологи пишут, что надо поговорить. Ты и сама хочешь этого, но, к сожалению, сил пока хватает лишь на то, чтобы не связываться.

Зато Николай никогда не ищет подходящих моментов. Ему главное — не держать в себе, ну и, конечно, победить, доказать, что сильнее тебя. Умываешься, оглядывая себя в зеркале. Синяки под глазами еще синее, кожа на лице серая,

под цвет волос. С тобой, если и бороться, то перепутав с монстром из фильмов про зомби. А если муж и правда больше не любит тебя из-за твоей вечной усталости и болезненной худобы?

Проходишь на кухню. Эрик застрял на веранде, раскладывая свои пожитки: рюкзачок, машинку, аккуратно сложенную в коробку, как будто только что из магазина, развязывает шнуры. Ты сбрасываешь сумку с плеча, кидаешь ключи на столешницу и почти бегом направляешься к холодильнику.

— Ты все съел из холодильника?

— Я откуда знаю, что есть в ваших холодильниках? Банки с мутной жижей какой-то.

— Ну тогда садимся ужинать, я сейчас разогрею.

— Мам, я не хочу, — подал голос снизу Эрик, который полтора часа назад схмячил твой блин на работе. Твой живот, стянутый высоким поясом юбки, подтверждает сей факт громким урчанием.

Ты только открываешь рот и хочешь сказать, чтобы сын тогда шел умываться и играть в комнате. Но у Николая свой взгляд на ужин.

— Какой «не хочу»! Марш мыть руки и за стол. Ты мужчина или где? Так и останешься как веревка. Белый как моль, худой. Не будешь есть — не вырастешь.

— Коль, он ел недавно.

— Ну и что? Положен ужин, значит ужинаем.

— Хорошо.

Эрик понимает, что придется садиться за стол. За ужином вроде все успокаивается. С удовольствием слушаешь, что опять не так с соседским мотоциклом. Иногда кажется, что ты уже почти разбираешься во всех этих клапанах, но стоит мужу месяц ничего не рассказывать, и все стирается. Ты безнадежна. Плавно подходите к планам на выходные.

— Я бы хотел сделать Юльке сюрприз и замутить небольшой ремонт в ее комнате. Что она, как Барби недоделанная, до сих пор? Все в розовых бантах: и обои, и потолок.

— Ты ее спросил? Может, ей нравится. Да и что в твоём понятии «небольшой ремонт»?

— Опять ты со своим юридическим языком. Что и как, и по полочкам, и уточнить мнения сторон. Хочу обои переклеить, потолок перетянуть. Ну а мебель у нее нормальная, нейтральная — заиграет новыми красками! Говорю же: небольшой! И это сюрприз.

— Ей восемнадцать, не думаю, что твой дизайн ей понравится. Спроси хотя бы по телефону.

— Ты так говоришь, как будто ты против.

— Я надеялась, что займусь огородом. Я толком не выходила туда после зимы. Вечерами почти ничего не успеваю. В теплице уже пора полоть и подвязывать. К тому же неделю назад ты говорил, что непременно надо заняться террасой. Мы и так никуда не выбираемся — хоть терраса будет для отдыха. С Эриком хотела побыть. Три дня выходных —

я надеялась, что мы с ним погуляем по городу хотя бы пару часов. Праздник же. А сейчас — неожиданный ремонт. Юлька к следующим выходным возвращается. Может, с ней посоветоваться и сделать все вместе? Ну или пусть она хотя бы с Эриком позанимается, пока мы будем ремонтировать?

В качестве помощницы по огороду ты Юльку не предлагаешь. Сестра мужа еще в подростковом возрасте заявила, что огород ей «нахрен не уперся». Николай не настаивал. А ты ей никто. Так что огород — это твоя карма: ты же деревенская, ты же все умеешь. Вспоминаешь с горькой усмешкой свои подростковые выпады, когда ты причитала, что никогда, ни за что у тебя не будет огорода. Ха! Да. Никогда не говори «никогда».

Во взрослой жизни все начиналось вроде бы по желанию. Ты же была молодой женой, хотела показать, что не лентяйка. Да и сил было гораздо больше. И Николай иногда помогал, особенно когда ты жила в комнате в городе и приезжала в гости. Вы еще не были женаты, и он, наверное, тоже хотел что-то показать.

Когда мать мужа почти слегла, а вы поженились, Николай задумал надстроить второй этаж. Домик был добротным, но маловатым. Пока мать была полноценной хозяйкой, Николай особо не лез: поддерживал в хорошем состоянии, и ладно. Но она таяла на глазах. Переехать в твою комнату в городе вы с мужем не могли — женщине требовался уход. В двухкомнатном доме жить еще и с сестрой мужа было очень неудоб-

но. У каждого должно быть свое пространство. Вы строили с большим энтузиазмом. Ты во всем помогала. Так что в гостинной после свадьбы вы жили недолго. Второй этаж предусматривал еще и детскую. Это было здорово! Домик в саду превратился в почти настоящий коттедж.

Конечно, все тяжелые работы во время стройки были на муже. В огород он выходить перестал. Но даже после окончания строительных работ сложилось разделение труда, на мужской и женский. Только вот мужская часть сошла на нет. Зато огород стал чисто женским делом. Изредка в огород выходила едва живая мать мужа. Но она очень болела, и ты делала все еще быстрее, желательно рано утром, пока та спала, чтобы ей негде было надрываться. Потом ее не стало. А Юлька сразу бежала жаловаться мужу, если ты пыталась приобщить ее к труду, и тот всегда вставал на сторону сестры.

Так все больше дел плавно, ненавязчиво переходило в твои руки. Ты обязана заниматься домом и огородом, потому что женщина. Ты обязана заниматься ребенком, потому что мать. Ты обязана помогать мужу с воспитанием его сестры, потому что та девочка. Ты обязана помогать мужу со стройкой и ремонтом, потому что любишь. А тебе и так повезло: есть любимый муж и крыша над головой.

И ты не замечала, что было что-то не так. Ты была влюблена, счастлива и со всем справлялась. Пока не вышла на работу. Тогда впервые ты насмелилась и попросила помощи у домашних. У самых близких. Но ведь начать работать было

твое решение. Не справляешься — не ходи. Живи и радуйся тому, что есть. Лучше даже из ограды не выходить, тогда ни одежды не надо будет, ни прически, и на машине никуда не надо будет ездить.

Не к чему придраться. Железная логика. Когда ты просишь о помощи, тебе все могут сказать «нет». И вроде имеют на это право, и вроде ты не должна чувствовать обиды. Логично. Не можешь справиться сама — не берись. Только внутри, на уровне солнечного сплетения, что-то сжимается, и чувствуешь себя одинокой. У тебя семья, близкие, а ощущаешь себя идушей куда-то из последних сил, туда, где нет счастливого финала, а просто конец. Но умом понимаешь, что ты не обижаешься, это внутреннее одиночество не несет в себе агрессии. Это твое переживание. Твое, поэтому переживаешь одна и не говоришь об этом.

Когда тебя просят о помощи, ты почти всегда чувствуешь, что обязана помочь. Потому что либо просит кто-то важный для тебя, либо ты можешь помочь без лишних затрат. Ну разве что своего времени и сил. Если тебе просто не хочется помогать или делать то, о чем попросили, ты чувствуешь стыд. Важным для тебя людям нужна помощь, а ты вместо этого можешь просто отдохнуть или заняться тем, что приносит удовольствие. Нет, это неправильно. Нужно все сделать, всем помочь и только потом, когда не останется неприятных дел, все вместе смогут отдохнуть. Хоть сил заняться чем-то приятным уже не останется. Порой ты замечаешь, что

другие ведут себя иначе. Тот же муж прекрасно отдыхает и смотрит, как ты готовишь, полешь грядки или делаешь уборку. Он может смотреть на это часами, и в голову ему не придет, что случись обратная ситуация, он тут же упрекнул бы тебя в конченном эгоизме.

Когда, в самом крайнем случае, ты насмеливаешься и говоришь свое твердое «нет», это либо вызывает агрессию Николая, Юльки, матери, коллег по работе, либо удивление и неверие. Типа: «Да ладно, говорить можешь что угодно, но пойдешь и сделаешь, как всегда». Либо тихую обиду — но так, чтобы ты точно о ней знала. На следующем этапе тебя начинают уговаривать, находят миллион аргументов, почему ты должна, угрожают, указывают на слабые места, напоминают прошлые ошибки.

Ты почти всегда сдаешься, и грудь сдавливают все те же тиски. Зато потом, когда ты помогаешь, делаешь то, что тебе не нравится, но нравится другим, ты видишь довольное лицо человека, и внутри тебя тебе хорошо. Тебе хорошо, когда всем вокруг хорошо. А твоя жизнь идет дальше. Ты просто откладываешь свои желания, планы, что-то важное исключительно для тебя. Ведь у тебя семья, обязательства, ты должна думать о них. Ты же не эгоистка. А в душе и голове остается «ждун», который верит, что завтра точно все будет по-другому и кто-то сделает тебе что-то приятное просто так... Конечно, это Эрик, который приносит тебе все открытки, рисунки, поделки и даже конфеты, когда в садике

день рождения у кого-то и ему перепадает угощение.

Убираешь со стола, моешь посуду. Нужно успеть в огород и белье погладить. Ужин опять придется готовить утром. Вечером не хватит времени. Николай лежит на диване и тупит в телефоне. Эрик, совсем немного похлебавший супа из своей разноцветной тарелки, крутится возле него на диване. Хочет посмотреть телевизор, но не знает, как спросить. Кажется, сын немного побаивается Николая. Наверное, думает, что будет мешать отцу смотреть в телефон. Тут Эрик что-то вспоминает и бежит в детскую. Как всегда, забыв про всякую осторожность, вбегает по лестнице вверх и сбегает вниз. Через мгновение залетает назад в кухню, улыбаясь как солнышко, в руке — конфета и все та же машинка, которую таскал в детский сад.

— Пап, я сегодня носил машинку, котол-люю ты любишь, в детский сад. Богдану очень понл-лавил-лось.

— Ыгы, — пробурчал муж, все так же глядя в телефон.

— А еще тебе вот что пл-линес! Делжи конфету, она вкусная. У Ал-л-лисы был день л-л-лождения. Я не стал есть и тебе пл-лин-нес. — Сын как, всегда, когда волнуется, начал заикаться.

— Че тебе надо? Вообще не понятно, что ты лопочешь. Какого хрена мы такие деньги на логопеда выкидываем?!

Николай отмахнулся, встал с дивана и вышел на улицу.

На тебя смотрят глаза цвета неба, в которых блестят слезы. Нижняя губа Эрика трясется. И без того растаявшая кон-

фета, сжатая в кулаке, выжималась сквозь крошечные пальчики шоколадной массой. Ты не должна показывать, что что-то не так. Что тебе тоже до чертиков обидно за сына. Аккуратно достаешь конфету, кладешь на блюдце и убираешь в холодильник. Отмываешь дрожащие пальчики от шоколада. Садишься на корточки, чтобы смотреть в глаза, и, пока вытираешь пальцы, пытаешься убедить сына, что у папы в телефоне просто что-то очень важное. И если бы он мог, он обязательно бы взял конфету. И он очень рад, что Эрик брал машинку в садик. Это он сам тебе по телефону говорил. И еще много чего важного, нужного и того, что помогло бы переключить внимание.

Глава 2

На следующий день встаешь пораньше, чтобы приготовить завтрак, обед и ужин, отпарить ноги и руки перед работой, и ползешь унылым зомби в офис.

Четверг и пятница даются всегда тяжелее всего. Сил остается только на то, чтобы открыть глаза, а надо делать все то же самое, что и каждый день: готовить, гладить, убираться. Когда-то ты начинала свое утро с йоги. Переезжая в частный дом, ты мечтала о практике на улице на восходе солнца. Но постоянные насмешки мужа над асанами — вроде и не злобные, но такие назойливые, пробирающиеся под кожу, — и постепенная потеря сил привели к тому, что теперь ты довольствуешься небольшой зарядкой в ванной.

И пусть эта конкретная неделя короткая — четыре дня, а пятница уже выходной, — ты не чувствуешь особой разницы. К выходным добираешься с надорванным мозгом, уставшим телом и новыми обоями для Юлькиной комнаты.

Выспаться не получается. Встаешь еще раньше, чем обычно: по утрам выдергиваешь самую большую траву из огорода. Выкраиваешь пару раз по полчаса на занятия с сыном. Остальное — ремонт. Хорошо, что есть опыт, и одна комната для вас двоих с мужем — это не проблема, пусть и за ограниченный период времени.

Ты попыталась еще протестовать:

— Все-таки мне кажется это неправильным. Вдруг есть какие-то личные вещи, которые она не хочет нам показывать. А мы выносим мебель, перестилаем кровать.

— Какие вещи?! Скажи еще, презервативы найдем!

— Почему нет. Может, у нее и парень есть, просто она не показала его еще нам. Она взрослая девушка.

— Какая взрослая?! — ты аж вздрогнула от вопля Николая. — Нет у нее никого. Рано еще.

Николай свирепеет, и ты делаешь, что он говорит, чтобы лишний раз его не раздражать. Эрик очень грустит после таких разборок. А доказать мужу в этом его состоянии, что можно травмировать ребенка, невозможно. Продолжаете ремонт.

В понедельник уже не понимаешь, где тебе лучше: с надорванными руками и бесконечным чувством вины дома или с вывернутым наизнанку мозгом и вечным цейтнотом, но сидя на стуле в прохладном кабинете на работе. Просто живешь дальше.

День за днем, и точно знаешь, что будет так неделя за неделей.

Однако вернувшийся после обеда Аркадий Борисович решил раскрасить твою жизнь новыми яркими красками. Это тебе не ремонт в чужой комнате. Это:

«Командировка!» — шевелится, складывая из звуков слово, пухлый рот твоего начальника.

Серьезно? Какая командировка? У тебя в теплицу не зай-

ти. Дома — только после ремонта, все разбомблено. У Эрика в пятницу утренник в саду. Это пи...ец.

— Архипова, это просто командировка, никакого пиздеца.

Смотришь непонимающе на шефа.

— Да-да, ты это вслух сказала. Ты хорошо проработала документы. На планерке мы обсудили еще кое-какие моменты. Спасибо, кстати, тебе за идею с аудитом. Я связался с продавцами. Они сказали, что готовились к продаже и независимый аудит провели, заключение на подходе. Так что пробей, что за контора их проверяла, и готовься к командировке. Будем изучать все на месте и решать, надо ли нам оно.

— На следующей неделе?

— В среду, Саша, в эту среду.

— Бляяя.

— Что с тобой? Вроде не материлась раньше? Портишься на глазах, милочка.

Выходишь из кабинета и ловишь вопросительный взгляд сердца всего коллектива, Вероники Андреевны. Это от нее в лексиконе Аркадия Борисовича прочно засели такие слова, как «милочка» и «дорогуша».

Бредешь в детский сад, не представляя, как расскажешь Николаю про командировку.

— Мам, ты глустишь?

— Да, Эрик, я напряжена и расстроена.

Ты читала, что детям нужно четко называть эмоции, что-

бы они смогли определять свои, растить эмоциональный интеллект и точно знать, что расстроена ты не из-за ребенка. А еще ребенку важно понимать, что ему вовсе не обязательно расстраиваться, если ты расстроена. Только у тебя так никогда не получалось. И ты всегда ощущала вселенскую вину, если рядом кто-то печалился или злился. Может, хоть у сына с этим все будет в порядке. Ты старалась. Для этого ты даже скачивала таблицу чувств, потому что оказалось, что ты не понимала и половины того, что у тебя внутри происходит.

— Не грусти, смотли, что я тебе сделал! Настоящий летний букет!

Видишь в руках у сына букет из бумаги разных цветов. Да, для него чем ярче, тем красивее.

— Спасибо родной. Он очень классный! Надо теперь вазу под него делать. Будем из пластилина лепить вечером?

— Да! Ты посидишь со мной?

— Какое-то время. Мне нужно будет серьезно поговорить с папой. А ты полепишь тихонько в комнате.

— Лугаться будете?

— Это как пойдет...

Вздыхаешь. Выходите из садика. Доходите почти до твоей работы, там на парковке ждет Николай. Считываешь его состояние моментально. Он чем-то раздражен. Голова пухнет от всего, что происходит на работе, от того, что не сделано дома, от того, что ждут от тебя. А ты не должна ждать ничего. Ты обязана принимать всех и все, как есть. Почему так по-

лучилось? Почему не можешь вырваться из этого? Или так и должно быть? Тогда почему тебе нехорошо? На улице конец мая. Сын растет. Муж — есть. Работа — есть. Все неплохо, но тебе нехорошо.

Садитесь в машину. Путь домой. Напряженно подбираешь слова в голове. Дышишь. Почему так тяжело?

Ужинаете. Немного лепите с Эриком. Объясняешь ему, что и куда приклеивать и что должно получиться. Проворные детские пальчики легко вдавливают яркие бусины в пластилин, которым вы облепили пластиковый бутылек. С наслаждением подбираешь цвета и радуешься, когда сын с тобой соглашается, и еще больше радуешься, когда он выбирает что-то свое. Успокаиваешься сама и дожидаясь, пока Николай отдохнет в телефоне. Выходишь. Плотнее закрываешь дверь в детскую.

— Коля, я в среду еду в командировку в другой регион. Это на два или три дня. Ты сможешь поводить Эрика в садик? Я понимаю, что ты ненавидишь это и ни разу не водил. Но у него утренник в пятницу. Это очень важно для него. Если тебя не будет, он поймет, но если не будет его — он очень расстроится.

Сказала. И ничего страшного. Правда, забыла, как дышать... Дышишь.

— И ты так спокойно об этом говоришь? Командировка? С твоим боссом? Может, в сауну еще поедешь? Или сюда его приведешь? Он и так уже часть нашей жизни. Звонит,

когда хочет: и в выходные, и ночью. Еще и командировка теперь. Ты говорила, что у тебя семья и маленький ребенок? Ты нормальная вообще, всерьез это со мной обсуждать?!

— Коля, а что тут обсуждать? Я должна там быть или ищу новую работу.

— Ну так и ищи работу. Какого хрена ты вообще мне это говоришь?!

— У нас ипотека. Ты забыл, куда уходит половина моей зарплаты? Я не смогу найти работу быстро, чтобы она была возле садика и по пути с тобой. Ты же знаешь это.

— А в командировку ты быстро согласилась ехать. Конечно.

— Это очень важно для фирмы. Мое присутствие там необходимо. К тому же Борисыч обещал премию, если все получится, — зачем-то ляпаешь ты. Никто о таком не говорил. Почему тебе так сложно найти общий язык с мужем? Почему ему так сложно объяснить, что работа — это тоже обязательства и ответственность...

— И сколько премии? Пять тысяч, которые я так и не увижу.

— В смысле не увидишь? Ты кушаешь каждый день и опять упрекаешь, что не видишь моей зарплаты? Я не знаю, сколько, просто говорю, что, может быть, сколько-то получу. К тому же все расходы за счет фирмы. Я смогу побывать в путешествии бесплатно.

— Понятно все с тобой. Так и скажи, что тебе опять захо-

телось куда-то из дома. Путешествия ей захотелось, бедная и несчастная, заработанная ты моя. Я же не работаю, лежу на диване целыми днями.

— Ты слышишь меня вообще? Это по делу. Меня никто не спрашивал. У Эрика первое выступление в садике? Куда бы я от него захотела? Я сама его уговорила. Блин. Почему с тобой так сложно? Это же твой сын...

— Ну с тобой дохрена легко. Едь куда хочешь, но вопрос с ребенком реши сама. Звони Юльке. Может, она согласится вернуться раньше. Бабке она надоела уже наверняка.

В последний раз уточняешь...

— А в садик?

— Какой «всадик»? Она в жизни не согласится просыпаться летом в шесть утра и отвозить этого мелкого нытика. Хотя спроси ее. Мне даже интересно.

Муж уткнулся в телефон. Твои слезы на глазах — твоя проблема. Заглядываешь в комнату: Эрик лепит вазочку. Сосредоточенно, тщательно разминая каждый микроскопический комочек пластилина. Делает что-то наподобие лепестков у горлышка. Ты приглядываешься. Слегка подрагивающие руки и нижняя губа сына выдают, что он слушал разговор.

Выходишь на улицу. Набираешь Юльку. Сестра мужа у тетки в деревне, провожает последние свободные дни перед поступлением. Она решила отдохнуть год после школы. Да и Николай не хотел, чтобы девушка уезжала в другой город,

пока ей нет восемнадцати. Для него она всегда останется малышкой. Ее отец умер, когда ей было около четырех лет, мать и тогда уже болела. Так что Николай воспитывал ее, заменяя родителей. Ты подключилась уже поздно, когда Юлька была в самом расцвете буйного пубертата. Естественно, мужу было жалко ее отпускать. И вот она год отдыхала. Закончила курсы ногтевого сервиса, только особого бизнеса не получилось. Делала подружкам ногти в обмен на расходники. Потом были реснички. Но с ними вообще не сложилось. И вот теперь она собиралась поступать, правда, еще не решила куда. Ты помогла ей вытянуть аттестат, но пара троек все равно была. Зато Николай убедил ее не уезжать, а поступать в родном городе. Вы даже взяли в ипотеку квартиру, чтобы она смогла в ней жить и не ездить на транспорте из садоводства. Правда, в недострое, но срок сдачи через год. Ремонт можно сделать самим.

Пусть живет, пока учится, а потом у Эрика будет жилье. А Юльке с ее будущим мужем, конечно, поможете что-то приобрести.

Гудки в трубке. Она никогда не отвечает, если не хочет. Нет разницы — видит звонок или нет. Что-то из подросткового протеста осталось. Хотя довольно многое. А может, это такой характер. Кто-то же должен быть стервой. Почему-то вспоминаешь дочь секретаря Вероники Андреевны, Аню. Она изредка заходила к матери на работу, пока не вышла замуж и не уехала в столицу. Темные волосы, яркая подводка,

сочные губы, идеальная подкачанная фигура с длиннющими ногами и каблуки. Ни разу не меньше двенадцати сантиметров. У ее матери тоже была привычка ходить на каблуках, но между тем, как они смотрятся на 50-летней женщине и 20-летней, есть большая разница. Будто Анна только сошла с подиума, даже не сошла, а снизошла.

Трешь лоб подстриженными коротко, кое-где недомытыми после огорода ногтями. Ноги почему-то устали, хотя почти весь день не вставала с рабочего кресла. Садись на крыльцо — вы его наконец перестроили, теперь ты не рискуешь посадить занозу в пятую точку. Дерево приятно нагрелось за день, запах смолы проникает в ноздри, голову, сознание. Вспоминаешь, что должна была его покрасить. Но нужно доделать то, что не доделано в огороде. Покраска смещается в глубь лета.

Возникает ощущение, что это твоя жизнь постоянно смещается, смещается, отодвигается «на после чего-либо». Вот командировка, вот крыльцо, вот забор, вот после этой зарплаты будет следующая, и еще немного... И начнется она — твоя жизнь.

Продолжаешь дозваниваться до сестры мужа. В трубке раздается звонкий, слегка заплетающийся голос:

— Халё, родственница! Неужели решила выслать мне денег?! Не поверю, что соскучилась.

Несмотря на все твои занятия, разговоры, решения ее проблем, Юлька относилась к тебе не очень хорошо. Впро-

чем, может, ты где-то и заслужила, и не досмотрела. Это был твой первый опыт общения с ребенком и подростком. Хотя ты и читала специальную литературу, подобрать ключик к этой бестии так и не смогла.

— Привет, Юль. Денег дам. Но если ты приедешь домой.

— И где у меня нынче дом? Мешать вам в вашем уютном гнездышке? У меня еще неделя. Тетя Надя, ваще не против. Так что зачем?

— Юль, понимаешь, я в командировку еду в среду. Мне Эрика не с кем оставить.

— В смысле — в командировку? И как на это смотрит твой муж? Ты ему рассказала? Так в чем проблема? Пусть папаша водит его в садик.

— Юль, ты же знаешь, он ненавидит садики. Он сказал, что или ты приедешь посидеть с Эриком, или я должна уволиться. А как я уволюсь, когда ползарплаты на ипотеку уходит? Ты же знаешь Николая: он понятия не имеет, сколько стоит еда, и уверен, что его зарплата обеспечит нас всем. А тебе же еще за учебу платить.

— Ну заныла, манипуляторша хренова. Они мне то, они мне это, кормят и хату купили. Хорошо, приеду. С тебя деньги на билет и пару кусков сверху. За неудобство.

— Отлично! А ты сможешь в садик его поводить? У него утренник. Эрик долго готовился.

— Э, не... Ни за какие деньги. Там же куча мелких ублюдков. Нет уж. Я завтра выезжаю, а ты пока успокаивай бело-

брысого. Объясняй ему, что премьера не состоится. Все, пока. Карта привязана к номеру телефона.

— Хорошо. Спасибо.

Но тебя уже никто не слышит. Телефон отдается в ухе тупыми гудками. Идешь в дом. Говоришь мужу, что Юлька присмотрит за сыном. Сама берешь уставшего от лепки малыша и вместе доделываете в огороде все, что нужно. Вернее, ты делаешь, а Эрик вещает, как радио. Без остановки и перерыва на подумать.

— Ты не сможешь выступить на представлении в пятницу, — произносишь, когда чувствуешь, что есть на это силы.

Светло-синие глаза смотрят с уже готовыми блестящими слезинками:

— Почему?

— Я буду в командировке со среды по пятницу.

— Но есть же папа. Очень многих в садик водят отцы. Даже девочек пеледевают. А я — я могу сам. Все сам. Плосто пусть довезет.

— Эрик, так нельзя. Родители должны сдавать детей воспитателям.

Твое сердце разрывается на кусочки. Ты уже готова бросить работу. Но остатки здравого смысла говорят в тебе: это не первое и не последнее разочарование в жизни сына. Не смертельно. Да, надо это пережить. Сын ревет в голос. Твои глаза тоже красные от слез.

Над вами нависает тень, окончательно закрывая уходящее

солнце.

— Че ноешь? Элик... — издевается Николай. — Что за бабу ты родила?

Последнее тебе. Муж еще не успокоился.

— Коль, перестань, пожалуйста. Это обидно. Юлька не согласилась водить Эрика в садик, и, конечно, нам грустно. Он очень хорошо выучил свою роль, — зачем-то говоришь ты. Хотя понимаешь, что ничего не изменить.

— А не надо было называть его Элик... Вот и получилось черти че. Еще и бледный, как моль.

— Перестань, пожалуйста. — Тебя уже душат рыдания. Ты сдерживаешь истерику из последних сил. Но слезы все равно катятся по щекам.

— Хотя с такой матерью-плаксой, какой должен быть ребенок...

Николай идет к соседу поговорить о чем-то важном. Так даже лучше — вы сможете успокоиться и не раздражать мужа. Ты берешь Эрика, слезы которого уже высохли. Только губа еще трясется, но уже из-за жалости к тебе. Он изо всех сил маленькими ладошками вытирает мокрые дорожки на твоём лице.

Ты идешь в дом, не в силах высказать что-то еще. Почему так трудно выкрикнуть все? Но с другой стороны, ты вроде сказала, что хотела. Николай не принял ни одной просьбы, ни одного аргумента. Если ты будешь настаивать, вы поругаетесь еще сильнее. Тебя, как всегда в таких случаях, накроет

истерикой. Сил что-то делать не останется. А тебе надо доубирать и придумать, что приготовить. А то сын будет есть чипсы и доширак, начиная со среды. Идешь с Эриком на руках по дому, по пути подбирая разбросанные носки. Он вроде притих, почувствовав твое равновесие.

Пока моешь сына, делаете упражнения логопеда. Пунктик в списке дел отметила галочкой. Все не так плохо.

Спать ложишься, уже не чувствуя ничего, кроме отека на глазах после слез. Завтра будешь как после укуса осы. Николая еще нет, наверное, застрял в соседском гараже. Больше ничего подумать не успеваешь. Проваливаешься в сон.

Вторник пролетает незаметно. Уборка, стирка, огород, еда. Ах да, работа! Иногда ты не понимаешь, как в этот график втискивается работа. Уже ближе к двенадцати ночи, приезжает Юлька. Просишь ее потихоньку поесть и идти спать. Эрик уже спит, он все еще расстроен. Очень вялый. Надо же, как он расклеился. Показываешь, что где на кухне, чтобы кормить его. Кое-что пришлось даже заморозить, чтобы у ребенка наверняка была еда, пока ты в отъезде.

Идешь спать. С улицы вваливается Николай. Вы вроде и помирились, но особо не разговариваете. Да и некогда тебе. Прикладываешь машинально палец к губам, чтобы он не шумел и не разбудил Эрика.

Страшный рев разрывает пространство. Это Юлька зашла в комнату. Дикой фурией она вылетает в коридор, хлопая дверью о стену.

— Вы че, родственники? Че с моей комнатой? Вы ваще знаете, че такое личное пространство?

Она орет что-то еще. Но ты оставляешь разборки Николаю. Сама поднимаешься в спальню. Эрик вышел из своей комнаты, пряча Чироя за спину, и топчется на лестничной площадке, не рискуя спуститься вниз.

— Напугался?

— Ага.

— Хочешь, посижу с тобой? Это все равно быстро не закончится.

На что рассчитывал муж, вмешиваясь в жизнь этого готового в любой момент взорваться громом урагана... Заходишь в комнату, садишься на мягкий коврик в форме футбольного мяча рядом с кроватью сына в виде машинки. Ребенок укладывается и начинает сочинять сказки. Это любимое его занятие. Непонятно, кто кого успокаивает. Украдкой смотришь на телефон — почти час ночи. Внизу все еще слышны голоса, но уже не так громко. Как ты устала. Завтра в пять утра тебя заберет водитель шефа. Вернее, уже сегодня. Может, в дороге удастся поспать... Хотя ноутбук с тобой, телефон тоже. Вряд ли кого-то в офисе будет волновать, что тебя нет на месте. Все твои редкие больничные так и проходили. Без отрыва от производства.

Эрик уснул, маленькие кулачки крепко вцепились в мягкую игрушку. Надо сказать Юльке, чтобы не забывала прятать Чироя. А то у нее бывает так, что не со зла, но выпустит

Эрика из кровати вместе с драной игрушкой. Дожидаешься, пока Николай проходит в спальню. И тихой норкой спускаешься вниз. Заходишь в комнату к Юльке. Девушка сидит на кровати, обнимая подушку. Растрепанная. На глазах слезы. Губы зло сжаты. Смотришь и не узнаешь боевую росомаху.

— Юль, я хотела кое о чем напомнить насчет Эрика.

На тебя с ненавистью смотрят два зеленых ведьминских глаза.

— Он чуть не ударил меня! Это все из-за тебя. Не знаешь, как расслабить мужа и сделать его довольным. Ходишь здесь — мышь серая. Вся такая тихоня. Муж сказал, ты побежала. Кто просил вас лезть к моей комнате? Все трусы мои в ящике перещупала? Сама-то ходишь в бабкиных хлопковых, вот Колясю на ремонт и потянуло, вместо того чтобы тебя жарить все выходные.

— Что ты говоришь? Фу! Мне нет дела до твоих трусов? Какие ко мне претензии? Коля сказал: «надо», — значит, надо. А то ты не знаешь, что ему невозможно что-то доказать.

— Это ты ничего не можешь. И на меня он стал кидаться поэтому.

— Ладно, поздно уже. Я хотела сказать, чтобы ты не забывала, что Чироя нельзя выносить из комнаты Эрика. Остальное вроде все сказала. Спокойной ночи.

— Спокойной ночи, фригидная амеба.

Последнее доносится тебе в спину. Но уже все равно. Надо лечь в кровать. Хотя бы просто полежать. Поспать уже не

удастся. Твоя голова касается подушки, и в нее туманом проникает сон. Капельницы, шепот, стоны, скрип старой пружинной кровати из далекого детства, запах больницы и алкоголя. Как запах может проникнуть в сон? Но он это делает. Ты просыпаешься, в глазах калейдоскопом продолжает крутиться сон. Сердце бьется бешеным темпом. Хочешь прижаться к мужу, но возникает ощущение липкого отворачивания. Это что-то новое. Ты очень тактильная. Ты всегда просила, чтобы тебя погладили или обняли. Другое дело, что муж этого терпеть не мог, и ласки тебе доставались, как соседскому рыжему одноглазому коту — только после пива. Обычно гладила и всячески мяла ты, компенсируя тактильность и за себя, и за мужа. Тебе нравилось чувствовать его кожу под пальцами: где-то нежную, где-то шероховатую, где-то совершенно гладкую, где-то покрытую завитками волос, тоже разных по жесткости... Ты наслаждалась этим процессом и буквально ощущала на себе фантомные объятия мужа.

Но сейчас ты понимаешь, что можешь прижаться к любой стене в доме с тем же успехом. Даже если Николай тебя обнимает, то только чтобы согреться самому, чтобы удобно закинуть ногу или уставшую после работы руку. Лучше подсунуть ему подушку в таком случае. А тебе — плотнее закутаться в одеяло. Вы где-то точно свернули не туда. Вернешься из командировки и обязательно поговоришь с Николаем обо всем. Не выскажешь, а именно расскажешь...

В сон проваливаешься совсем ненадолго, чтобы ощутить

любимое жжжжж под ухом. Встаешь. Кухня. Кофе. Готовишь, упаковываешь по контейнерам. Лепишь записки на холодильнике.

Собираешься, берешь сумку. Выходишь чуть пораньше, чтобы Павлу не пришлось в голову посигналить у ворот в пять утра. Он может. Он полностью уверен, что водители — самые важные в мире люди и могут делать в рамках своих обязанностей что угодно. Эх, тебе бы хоть половину его уверенности в себе. Торопишься. Успеваешь. Кидаешь ноутбук и сумку в багажник, сама залезаешь на переднее сиденье круизера. Пашка в шутку пытается поцеловать в щеку. Дурак. Глубоко и счастливо женатый, между прочим.

Видишь глаз бабы Любы в заборе. Ну все — сплетнями дачи обеспечены до осени.

— Ты хочешь, чтобы я к тебе второй женой переехала? Нафига так делать?

— Ха-ха-ха. Не надейся. Алиска свернет тебе шею еще на подходе.

— А тебе?

— А я че? Я человек простой, че с меня взять, кроме денег?

Забираете по пути Аркадия Борисовича, который заполняет салон собой и перегаром под завязку. Важаев тоже едет, но отдельно, на своей супербыстрой почти ракете.

Ты проспала почти все красоты, пока ехали по трассе. В Н-ске все серое, хоть и лето. Грязь, которая, кажется, лежит

с прошлогоднего таяния снега. Пусть город и большой, но совершенно тебе не нравится. Хотя, может, это потому что вы проезжаете по самым окраинам. Было бы странно строить грузовой терминал и автобазу в культурном районе областного центра.

Телефон начал пикировать входящими сообщениями примерно с полдесятого. Шефа нет. Контора полтора часа пила чай, после чего начали делать вид, что работают, зная, что ты с директором в машине. На что-то отвечаешь в мессенджере. Ноут в багажнике. Но ты не хочешь лезть туда, чтобы не задеть безразмерное тело директора, который самозабвенно храпит, вызывая вибрацию по салону. Знали бы в конторе, что их видимость бурной деятельности некому оценить, занялись бы своими делами и отстали от тебя.

Останавливаетесь. Сразу выходишь, оставляя Павла будить биг босса. Голубая спортивка Важаева уже припаркована возле здания. Офис, наверное. Хотя не понять: все вокруг в одинаковых серых, покрытых пылью тонах. Жуть.

Глава 3

Рабочие дни в командировке еще насыщеннее, чем на работе, потому что неудобно, не на месте и незнакомо, но и работу никто не отменял. Успеваешь пару раз позвонить на Юлькин смартфон, чтобы поговорить с Эриком. Он грустит, но вроде все неплохо. С помощью мессенджера узнаешь, что он ест и во что играет. Как здорово, что придумали сотовую связь!

Ночью тебе принесли результаты аудита. Смотришь и понимаешь, что ничего не понимаешь. Идешь к Важаеву в номер. Он как бы с экономическим образованием. Никто не открывает, но зато из-за поворота выныривают оба твоих босса. Оба навеселе, судя по громким возгласам и тому, что держатся друг за друга. Спрашивать у них что-то бесполезно.

— А почему с нами нет экономиста? — вырывается у тебя как-то само.

— Олечки? Так ее муж не отпустил. Нельзя ей с двумя мужиками в командировку. — Подтыкивая друг друга в пивные брюшки, ржут эти... Даже не знаешь, как их назвать.

— То есть так можно было? — хочется плакать.

— Тебе нельзя, Александра. Должен же был ехать человек, который в курсе всего. Отчет можешь выслать Ольге Владимировне по электронке. Но только утром, наверное. Сейчас спят, поди, уже с мужем. Ха-ха.

Проходят мимо тебя. Ты возвращаешься в номер. Вариантов, кроме «успокоиться», нет. Принимаешь душ. Как хорошо, что здесь все прилично. Тебя поселили не в клоповник, а в один отель с боссами. Вдруг что спросить захотят.

В пушистом халате ложишься в мягкую кровать. Наслаждаешься тишиной и тем, что не ты эту постель стирала и застилала. Представляешь, что ты на курорте. Ты все равно там ни разу не была. Можешь представлять что угодно. Строишь в сторону мини-бара, но глаза закрываются раньше, чем рождается какая-то мысль.

ЖЖЖЖЖЖ под ухом.

Нет. Еще слишком рано. Открываешь маленькую часть глаза. Строишь: сообщение от мужа.

Фото в сауне с голым торсом, рядом его коллеги по работе.

Подпись: «Гуляем!»

Печатаешь: «ОК».

Закрываешь глаза.

Голосовое сообщение: «Просто ок? Да, я в хламину. Мне руки отрезет завтра станком из-за тебя! В командировку ее понесло! Путешествия ей захотелось!»

И зачем ты лягнула про путешествие? Не могла подобрать другие аргументы? Как его это задело... Николай очень редко выходил куда-то из дома дальше соседнего участка. Подобные посиделки с коллегами случались где-то раз в год...

Еще год назад ты бы пыталась как-то успокоить мужа, что-то доказать, оправдаться, объяснить, попросить его ехать до-

мой. В слезах бы всю ночь просидела, переживала бы за него. Потом у Юльки спрашивала, в каком он состоянии. Говорила, где лежат лекарства от похмелья.

Сейчас ты просто устала. В тебе что-то сломалось, и ты не делаешь ничего. Ты выключаешь звук на телефоне и надеешься, что муж придет домой и ляжет спать. Всегда же приходил. И ты своими рыданиями и звонками не особо повлияла на ситуацию. Да и вообще — главное, чтобы не напугал Эрика. Поэтому пусть уж лучше сразу на работу едет. Блин, что с тобой не так? Было не так год назад? Или сейчас? Откуда эта пустота? Ты ведь любишь его. Любишь? Почему у остальных иначе? Их любовь нежная, ее видно. С другой стороны, почему половина твоих знакомых в разводе? Где и что сломалось: в тебе, в мире, в людях? Миллионы мыслей крутятся в голове, хочется поймать правильную. Но нет.

Сон валит тебя, как охотник медведя.

Просыпаешься от стука в дверь.

Первый раз за всю жизнь ты не слышала будильник!

Вскакиваешь!

— Сейчас, Аркадий Борисович, ага. Через пять минут выйду.

Еще два дня командировки пролетают со скоростью света. Ты открываешь глаза — утро, и сразу ночь. Как в первую ночь тебе могло показаться, что это курорт? Ты выдохлась, вымоталась и извелась. Вечер пятницы. Собираешься домой, успокоив по телефону Эрика. Его роль сыграла девочка, ко-

торая всегда учила слова за всех в группе и только ждала, что кто-то заболит и не придет. Об этом ты сыну не говоришь, просто обещаешь, что в следующий раз у него будет роль и что запишешь его в театральный кружок.

Отвечаешь логопеду, что вы очень занимаетесь и будете на следующей неделе.

Чемодан собран. Дверь номера уже приоткрыта. Ты до слез хочешь домой. Можно было бы выйти из гостиницы сразу у себя дома. Без муторной дороги.

В номер влетает, как бешеный дирижабль, Аркадий Борисович!

— Саша, нас зовут на банкет! Одевайся!

— Аркадий Борисович! Я одета, и я еду домой.

— Ты чего, глупая? Там все нахалю. Лучший ресторан города!

— У меня ребенок дома.

— Три дня живет твой ребенок и еще поживет. Муж есть, значит, все ок.

— Нет, я поеду. На вокзал. Вещей у меня немного. До свидания. Рада, что вы скоро станете директором холдинга, — вымученно улыбаешься.

Ты выходишь. Катишь за собой чемодан. Он катался с тобой по привокзальным тротуарам еще со студенчества. Вспоминаешь то почти беззаботное время, когда единственное, что выводило из себя, — это нотации матери. Вспоминаешь, как бежала из дома в город и мечтала о взрослой жизни. И

вот взрослая жизнь вроде бы наступила, а решаешь все не то чтобы сама. Муж, начальник, обстоятельства. Сейчас решила ты. И ты выходишь в ночь одна в незнакомом городе. Такое себе решение.

— Постой, Саша! — догоняет тебя запыхавшийся Борисыч. — Ну что ты такая упрямая. Ты да Важаев. Тот еще каблук. Свистнули ему его девахи, и поскакал, сломя голову. Сейчас я позвоню ему. Поди, не уехал из города без подарка для своих. Так что возьмет тебя, если что.

Как бы Важаев ни отпирался в трубку, какие бы маты ни выплескивались из смартфона в толстые уши босса, последний был непреклонен. Аркадий Борисович буквально впикивает тебя в спортивную тачку Важаева. Тебе уже все равно. Внутри все клокочет. Такая сумасшедшая тревога, как будто пара минут отделяют тебя от катастрофы. И ты не настаиваешь гордо на автобусе, потому что разница между машиной и автобусом — около четырех часов в пути. Автобус только отправится через полтора часа.

Садись в машину. Набираешь номер гордого мужа, который не звонил и не брал трубку уже два дня. Недоступен. Набираешь Юльку. Время — восемь вечера, хоть еще очень светло. Что с Эриком — непонятно. Тепло, и он может быть на улице. Смотришь в черный экран смартфона. Позвонить больше некому: с соседями — друзьями детства Николая, тоже живущими в садоводстве, которое уже почти поселок, ты не общаешься. Они какие-то хамоватые и пошловатые. По

первости и вообще норовили тебя облапать. Николай быстро пресек все это. Ну а ты прекратила всякие контакты. Да и Николай стал общаться с ними гораздо меньше. Разве что Алик периодически приходит с разными просьбами. Почему муж с ним общается — непонятно, ведь видно, что особой симпатии к этому бородатому брюнету не испытывает.

Важаев молчит всю дорогу. Видно, что недоволен. Но из-за тебя или нет, тебе все равно. Трубку дома опять никто не взял.

— Да, дорогая, — вздрагиваешь от чересчур слащавого голоса твоего почти босса слева. — Это не от меня зависело. Конечно, я сам хотел встретить нашу принцессу. Так жаль, что не получилось. Говорю тебе, совещались до последнего. Никакого фуршета. Ты же знаешь, я соскучился. Конечно, я купил своим пупсикам. Увидишь. Ну, не дуйся.

Смотришь, как преобразается лицо этого неприятного типа в разговоре, скорее всего, с женой. Удивляешься. Не хочешь больше злоупотреблять его временем.

— Меня можно на первой остановке высадить. До дома я и на такси доберусь. Извините, что навязалась. Но мне очень надо домой. — Поджимаешь губы, не дождавшись ответа, и отворачиваешься к окну, смахивая слезинку. Теребишь волосы в хвостике, чтобы чем-то занять дрожащие от тревоги руки.

В полной тишине на бреющем полете доезжаете до родного города. На звонки дома так никто и не ответил. Тебе

кажется, что твое сознание готово отделиться от тела, чтобы лететь к сыну. Кожа в каком-то непонятном ознобе тоже не хочет ни секунды находиться без Эрика. Что это? Переутомление или материнский инстинкт? Вы никогда не расставались с сыном больше, чем на день, пока он был в садике. А тут — целых три дня. Но вчера тебе не было так плохо. Наверное, это предел.

Уже почти возле остановки, где ты хотела выйти, тишину разрывает звонок. Это Юлька. Хватаешь телефон, потным пальцем не сразу попадаешь на зеленый кружочек, чтобы ответить.

— ДА!

— Санька! Санька! Твою мать! Санька! Он не дышит! Мне кажется, он не дышит!

В трубке всхлипы, возня, какие-то стоны!

— Эрик! Он холодный совсем! Санька!

Твое сердце останавливается и больше не бьется. Дыхание замирает. Смотришь на Важаева, но просто открываешь рот. Сказать ничего не можешь.

Он поворачивает свою кругловатую голову. Смотрит пристально на тебя. И его губы в обрамлении слегка отвисших щек что-то говорят. Ты не понимаешь или не слышишь. Еще мгновение, и до тебя, как сквозь вату, доходят слова мужчины.

— Диктуй адрес. Я в ваших садоводствах не ориентируюсь.

Что-то произносишь. Но не слышишь себя, потому что сердце вдруг отмирает и начинает бешено стучать в висках. Юлька что-то орет в телефоне.

Тебя грубо толкают в плечо. Важаев. Как ни странно, это помогает. Начинаешь воспринимать реальность.

— Отмирай, мамаша. Звони в экстренную службу. Вызывай скорую на адрес.

— Но я не знаю, что с ним.

— А если узнаешь, сможешь помочь? Может, ты врач еще тайный? Ставишь диагноз по телефону, лечишь по фотографии?

Ты звонишь в скорую, говоришь, что сыну плохо, что не дышит. Обещают приехать.

— Вспоминай, где документы на ребенка. — Важаев, матерясь, скребет пузом спортивки по дорогам в садоводстве.

— Что? — ты не соображаешь совсем. — А! Они со мной.

— Нда. Все еще хуже, чем я думал. Ты уехала, а ребенок дома без СНИЛСА и полиса. Какая же ты бестолочь, Александра.

Зла в его голосе нет. Просто усталость. Телефон мужчины взрывается в очередной раз веселой мелодией, когда ты вылетаешь из машины и бежишь в дом, не прощаясь.

На кухне на разложенном диване лежит Эрик. Он и правда какого-то синюшного цвета. Без движения. Глаза закрыты. Ты наклоняешься ухом к груди. Пальцами пытаешься нащупать пульс. Другой ладонью, поднесенной к лицу, пыта-

ешься ощутить дыхание сына. Ты как осьминог обхватила его всего.

Пульс есть, дыхание очень слабое. Но он жив. Слава богу, он жив.

— Что случилось? — спрашиваешь мнущуюся в проеме Юльку.

— Не знаю. Я на улице была. Зашла, чтобы забрать у него свой телефон. Думала, он уснул с ним. Но когда искала телефон в его кровати, чуть руку не отморозила. У него ножка ледяная прям была, и ладошки. Начала тормозить его. Он не просыпается.

— Что он ел? Как он ходил в туалет?

— Я не знаю. А в туалет... я же не буду заглядывать.

Идешь собирать сумку с самым необходимым в больницу. Заходишь в ванную, там стоит характерный тошнотворный запах. Значит, Эрика вырвало. Где же скорая? Кидаешь все в сумку за две минуты. Главное не забыть Чироя и трусы с полотенцем, остальное — пустяки. Не на необитаемом острове. Скорой нет. Начинаешь звонить в экстренную службу еще раз. В трубке непонятный пик.

Юлька, притихшая с размазавшейся тушью, надувшейся пандой сидит в углу у дивана. Пытаешься напоить Эрика хоть немного. Все вытекает назад. Он как тряпочка. Рот не открывается или не закрывается. Проглотить ничего не удастся.

— Где Коля?

— Я не знаю, — раздается тихий голос из угла. — Вроде в баню к Алику собирался. Они весь день опять что-то чинили. И это типа «благодарность». Я звонила ему, но он уже не берет.

Понятно, значит, точно с пивом. Выходишь, чтобы завести машину, но из нее торчат провода. Муж опять что-то делал со своей ласточкой. В экстренной службе берут трубку. Объясняешь, спрашиваешь, где скорая. Не было вызова по этому адресу.

— Как не было?!

— В базе такого нет.

— Так, сделайте! — орешь, как Юлька десять минут назад.

— Конечно, говорите, какой адрес.

Забегашь в дом. Опять набираешь подсоленной воды в шприц. Сын все сплевывает на диван. От него такой явный запах ацетона, будто ногти кто-то красил.

Сбрасываешь звонок. Ищешь приложение такси, единственного, что едет в ваши дали. Ожидание 50 минут. Серьезно? Вечер пятницы. Чего ты хотела...

Вдруг дверь с улицы открывается. Думаешь, что это Коля. Но в проеме всей своей недовольной лысоватой физиономией стоит Важаев.

— Александра, тебя долго ждать? Или все в порядке с ребенком?

— Скорая не приедет, потому что какой-то сбой. Вы прав-

да отвезете нас? Но у вас два сиденья.

— Ничего — на руках поддержишь. — Важаев уже стоял на кухне. — Мелкий такой мелкий у тебя. Эту сумку брать? Все взяла? Документы с собой? Не выложила?

Идешь следом с Эриком на руках. На Юльку даже не смотришь.

Долетаете до больницы за считанные минуты. Ты держишь на губах сына смоченный стерильный бинт. Но он не сделал ни глотка. Это больше нужно тебе, чтобы хоть что-то делать. Чтобы не просто держать в руках ватное горячее тело. Температура поднимается. Терморегуляция нарушена, потому что ладошки сына ледяные.

Телефон Важаева трещит не переставая. Ты виновато косяшься. Его лицо каменное, почти серое. Он действительно хочет быть с ними, со своими близкими. Не злится на бесконечные звонки жены и дочери, а хочет к семье.

В приемном покое начинают процедуру оформления. Обвиняют тебя, как всегда, во всех грехах. Приносят стакан регидрона.

— Поите, мамаша, поите! 39,5 — чего вы хотели? На лицо обезвоживание. Это же как вы довели малыша до такого?

Нервы закончились. И в тебя вселяется кто-то извне. Как-кая-то ненормальная истеричная фурия.

— ТАК! — орешь на всех сразу. — Показывайте, где у вас процедурный. Я беру ребенка, и мы идем на капельницу.

— Вы здесь не командуйте, — повышает голос только что

вошедший взъерошенный врач с отпечатком подушки на левой щеке.

— А вы выполняйте свои обязанности! Помогайте ребенку! А не то! Видели, на какой машине я приехала? Хотите, чтобы губернаторский вертолет следом сел и мигалки прокуратуры разбудили пациентов!?! — Похоже на поэму прям. Что ты несешь? Какой вертолет...

Неожиданно из-за спины раздается хриплый бас Важаева.

— Александра Владимировна, я поеду тогда. Если будет нужно звоните в любое время дня и ночи. Привезти вдруг что надо.

Важаев разворачивается. А тебя уже ведут в реанимационное отделение. Отдаешь Эрика врачу. Прислоняешь лоб к мутному желтоватому стеклу. И почему инфекционка всегда такая грязная и мерзкая?

Смотришь. Смотришь. Смотришь. Главное — не пропустить ни одной манипуляции. Ты давно не доверяешь врачам, поэтому все сверяешь с открытыми источниками. Но сейчас сил искать что-то в интернете нет, поэтому просто смотришь, боясь упустить из виду их ошибку.

Обнимаешь дранного игрушечного кота, которого не разрешили положить в реанимационный бокс к сыну. Стискиваешь Чироя сильно-сильно, слезы катятся по щекам, хочется вытереться об игрушку. Но в последний момент останавливаешься — ему и так в жизни досталось. Ты уже не можешь вспомнить, серый он был или бежевый.

Утром Эрика переводят в палату. На четвертых. Видимо, врач не передал по смене, что ты какая-то крутая. Но плевать. Сын уже дышит стабильно. Маленькое сердечко четко отдается в жилке на руке. Видно, как она бьётся. Капельницы будут ставить еще несколько дней. Но с ним все будет хорошо. Повторяешь себе это как мантру и кладешь наконец-то потрепанную мягкую игрушку сыну под бок.

Сидишь на единственном табурете. Еще на двух кроватях спят подростки. Одна пустует, но приготовленное на краешке белье, говорит, что это не надолго. Заходит женщина с тряпкой и в белом халате. Кто это? Ты не очень понимаешь в больничной иерархии.

— А вы, гражданка, собирайтесь домой.

— Почему?

— Дак ребенок у вас большой. Не положено с мамашами. У нас до трех лет только с мамками. А потом самостоятельно. И кроватей лишних нет.

— Но он же в себя еще не пришел. Он же напугается! И потом — я за капельницей слежу.

— Не рассчитано на вас. Видите: стул только один и кроватей нет. На свободную не смейте моститься. Белья лишнего не выдам. И питания нет на такую махину.

Махина, это, наверное, ты: метр шестьдесят ростом и сорок шесть килограммов весом.

— А за капельницей вот оболтусы последят. Все равно будить. Скоро на процедуры. Если хотите с сыночком, можно

в платную палату, как освободится место. Пока заняты все.

— Я не уйду никуда, вызывайте главного врача или кого там. Я останусь здесь с сыном!

Тот бес, который вселился в тебя в приемном покое, походу все еще с тобой.

Бабуля смотрит на тебя каким-то странным взглядом. Ну не тряпкой же она тебя пойдет выгонять?..

— Оставайся, пока врач не придет. А там — как он решит. Совсем синий у тебя малец, еле дышит.

Ты подлетаешь с табуретки, щупаешь пульс. Бабуля — убийца нервов.

Присаживаешься на край скрипучей кровати-сетки. И только сейчас вспоминаешь о телефоне. Хорошо, что сегодня суббота, выходной. С работы уже бы достали тебя и не один раз.

А так — один пропущенный от Юльки в час ночи.

Сообщение от Важаева, чтобы ты обращалась, если что.

Муж не звонил. Надо ему все рассказать. Капельницу убрали, оставив катетер в тоненькой ниточке-ручке. Врача еще нет. Десятый час. В выходные они, скорее всего, позднее.

Берешь трубку, чтобы нажать вызов. Но смотришь — входящий. Николай. Отвечаешь.

— Да, Коль, привет! — выдыхаешь все напряжение. Хочешь все рассказать. Чтобы стало легче. Чтобы понять, что правда все будет хорошо.

— Ты где шарисься, тварь? Собирай свои чемоданы и ва-
ли, шлюха, из моего дома.

Муж орет в трубку так, что подростки в палате подскаки-
вают на своих кроватях. А ты убавляешь звук и не находишь
слов.

— Коль. Ты чего?

— Коль? Спокойная такая? Коль... Больше нечего ска-
зать?! Я просыпаюсь, а тебя до сих пор нет! Ну ладно ночью
ехала ты. Но сейчас уже день. И это я чего? Ты, Санька, со-
всем страх потеряла?! Шалава!

— Тебе Юлька ничего не говорила?

— Когда бы? Спит еще. А ты сегодня до вечера за вещами
приезжай. И знай, что сына ты больше не увидишь.

— Коль, я с Эриком в больнице. Мы ночью уехали. Он не
дышал почти. И до сих пор не просыпается под капельницей.
А ты где был?

Но ответа тебе уже не надо. Обида и нервное напряжение
прорывают плотину слез... Телефон выскальзывает из руки
и падает на пол. Тебе все равно. Сжимаешься в уголочке кро-
вати. Ждешь прихода врача и твоего здравого смысла. Бес-
сонная ночь давит кирпичом, долбит в висках.

— Держите, тетенька, — раздается у тебя над головой.
Сквозь слезы видишь над собой платок в протянутой руке
подростка. Второй мальчишка с напуганным лицом протя-
гивает стакан воды. Берешь платок, берешь стакан воды, бе-
решь себя в руки. Действительно, ты же взрослая женщина

в их глазах. Не хотелось бы пугать истерикой детей.

Успокаиваешься, включаешь режим полета в телефоне. Где же врач? Гладишь Эрика по ножкам, в которых ты сидишь, так как он в длину занимает только две трети кровати. Ты сжалась комком, в голове туман и тяжесть после истерики. Приходит медсестра: градусник, лекарства, опять капельница...

К обеду дверь палаты распахивается, и внутрь вносит себя на каблуках врач — нет, не просто врач, а женщина-врач.

— Вы новенькие? Какой хорошенький! Не просыпался?

Отрицательно машешь головой.

— Вы что, мамаша, немая?

— Да. То есть нет. То есть да — мамаша, и нет — не немая.

— Так, когда появились симптомы? Что было? Сколько поднималась температура? Сколько раз был жидкий стул? Сколько раз вырвало? Что ел? Что пил?

Ты сжала губы, но предательские слезы текли ручейками вниз по подбородку.

— Все-таки немая. Спокойно. У меня полное отделение пациентов, а вы вообще здесь на птичьих правах.

Ты смотришь на идеальные локоны из-под колпачка, коротенький халатик, покрашенные и обведенные по контуру яркие губы. Только глаза выдают, что женщине далеко не двадцать пять. Ее тон похож на мамин, она даже в вопросах умудряется зашифровать критику. Ты не знаешь, что ска-

зять, и говоришь правду, зачесывая левой рукой лохматую русую шевелюру за ухо.

— Я не знаю ничего. Я в командировке три дня была. Эрик с отцом и теткой своей дома. Мне говорили, что все хорошо, а вчера вечером Юлька позвонила и сказала, что он не дышит. Он до сих пор спит. Я не могу ответить ни на один ваш вопрос. Я ужасная мать.

— Ну, тшшш. Что ты, детка. Ты успела. Правильно сделала, что на капельнице настояла. Боевая мышь. Куда же ее денешь-то, работу... Хочешь мое мнение? Девочки вообще не должны работать. Родили ляльку и воспитывают, развивают, дома порядок наводят, мужа облизывают с ног до головы, гуляют, с подругами встречаются, творчеством разным занимаются. Знаешь, какая бы страна стала?! Но куда же деваться, если работать кому-то надо? А если еще и хочется... Я вон уже третьего мужа воспитать пытаюсь. Все умные: «Да зачем тебе это надо?», «Иди в поликлинику: посидел до обеда — и домой», «В платную иди, хоть за деньги». А здесь кто работать будет? Иван Фёдорович Крузенштерн? (отсылка к мультику «Простоквашино»). Так что подоказываю, устану. Да и ну их...

— Когда Эрик очнется? С ним все будет хорошо? — возвращаешь разговор к ребенку.

— А мы сейчас его посмотреть начнем, он и проснется. Он может, слышит нас, но сил нет глаза открыть.

Врач осматривает Эрика. Берет тоненькую ручку, трогает

пульс, чтобы послушать, поднимает футболочку — домашнюю, любимую, чуть застиранную и растянутую, с потрескавшимся изображением Поли-робокара. Ты так и не успела переодеть его в панике. Щеки краснеют. Что ты за мать такая? Достоешь из спортивной сумки чистую футболку и комкаешь в руках. Пока продолжается осмотр, ты неводишь глаз с сына.

— Не можете узнать, что он ел? Я подозреваю, что были сырые яйца... Похоже на острую пищевую инфекцию, возможно, даже сальмонеллез.

Тебе хочется провалиться сквозь землю. Телефон лежит на тумбочке. Позвонить Юльке? Но рука дрожит. В голове звучит ор Николая: «тварь, шлюха»... Ты не можешь прикоснуться к зловещему черному прямоугольнику.

Врач, будто чувствуя твое состояние, продолжает:

— Впрочем, это не так и важно. Анализы мы возьмем. Лечение практически не отличается от лечения любой кишечной инфекции. Главное, что вы успели вовремя. Я напишу сейчас назначение. Медсестры будут говорить, какие процедуры и когда делать. Так понимаю, вас из палаты нам не выводить... Не буду вас злить, а то опять включится режим «боевая мышь». Оставайтесь, если сможете уместиться на одной кровати с беляшом своим. — Это она про твоего светловолосого Эрика. — Надо же, волосики какие светлые, как у бога скандинавского. Еды вам, мамаша, не положено. Но мелкому можно будет начать есть не раньше завтрашнего ве-

чера, и то понемногу. Съедайте его порцию. Ну и хлеба можно хоть сколько — в этом у нас достаток. Подробнее, как и где забирать тарелки, позже санитарка расскажет. А вот поить начинать нужно сейчас. Вам принесут раствор солененький и шприц. Каждые пять минут по капле, по две. Нам надо, чтобы он сходил по-маленькому, чтобы анализы получилось сделать. Осваивайтесь, мамаша. Вот и малыш глазки открывает... Привет! Я тетя Оля.

— Здраствуйте, — шепотом, сухими губами, произносит Эрик. Он моргает светлыми ресницами на белом лице, белая челка падает на лоб. И правда — «Беляш». Слегка вздрагиваешь в улыбке.

Врач оставляет вас и переходит к подростку. Она смотрит в обшарпанной палате с облезлыми стенами и затертой до дыр плиткой на полу как королева в трущобах. Но ей ничто не мешает со всем вниманием и профессионализмом выполнять свою работу. На лице ни капли брезгливости.

— Ну что, боец, как твои дела? Будешь еще чипсы есть? Добиваем до язвы или гастрита достаточно?

Очень симпатичная врач. Ты перестаешь трястись от страха и напряжения, глядя, как профессионально она себя ведет, не переставая быть красивой женщиной. Улыбаешься в мыслях и ловишь себя на том, что вообще не помнишь, как ее зовут, хоть и пялилась на бейджик. Надо у медсестры потом спросить.

Эрик плетется к тебе по кровати на дрожащих руках,

устраивается на коленях и внимательно смотрит на катетер в вене, потом по сторонам. Вдыхаешь его запах, выдыхаешь и почти расслабляешься. Сын, крепко стиснувший Чироя и тебя, тоже спокоен.

Оставшаяся суббота проходит в полудреме, как и воскресенье. Дни в больнице, подчиненные распорядку, похожи на отдых. Ты поишь Эрика, постепенно начинаешь кормить, вы много разговариваете. Тебе вроде ничего не надо. Еда вполне сносная. Может, кому-то покажется несъедобной постной размазней, но тебе нравится все. Лишь бы не готовить. Ты так от этого устала. Даже в командировке, чтобы сэкономить, ты заваривала лапшу быстрого приготовления или пюрешку. За последние шесть лет не было ни одного дня, когда ты бы не готовила. Обычно это три блюда: Николай терпеть не мог есть разогретое, Юльке просто ничем не угодишь, как бы тебе ни хотелось, а Эрику часто приходилось готовить отдельно. Ты старалась не давать ему острое, жирное, жареное. Все по книге о росте и воспитании ребенка до семи лет...

Николай за выходные прислал сообщение в мессенджере: «Я не знал. С сыном все в порядке?»

Извиняться ему не за что, он же не знал. Звонить незачем, ведь с сыном все в порядке. Вопрос звучал как утверждение. Он всегда так делал, когда не хотел больше ничего слышать, кроме «да» или «я сама сделаю». И он всегда называл Эрика сыном. Ты почти ни разу не слышала, как он называет его по имени без сарказма и того, чтобы подразнить. Будто вклады-

вал в него свои ожидания и представления о сыне, а реальный голубоглазый Эрик ему не нужен.

В последнее время ты часто об этом думаешь. Вам определенно надо поговорить. Приедешь из больницы и усадишь мужа за стол переговоров. Тебе не нравится, что ты испытываешь столько негатива к нему в последнее время. Может, просто серьезно попросить помощи, может — объяснений. А если это ты что-то не так понимаешь? Слишком себя накручиваешь? Но иррациональная обида поднимается изнутри. Иногда — злость. Хотя она тебе совсем не свойственна.

Поэтому и отвечаешь мужу:

«Ок. Да.»

Юлька больше не писала.

Ты тоже никому больше не пишешь. Используешь телефон по-другому. Читаешь то, что давно хотела прочитать. Эрик спит субботу и почти все воскресенье. Врач, которая опять появлялась в районе обеда, сказала, это нормально. Будить, поить. Кормить совсем немножко. Пока основная энергия — из капельницы с глюкозой. Ты наконец уточнила имя доктора, и оно действительно было как у аристократки: Ольга Семеновна Зарецкая-Дворжицкая — гласила надпись на золотистом бейдже. Как же она себя несла или даже преподносила! Через сутки на работе в инфекционном отделении детской больницы женщина выглядела так, будто только что вышла из салона красоты, а перед этим отдыхала в СПА. Ты была в восхищении. А полное отсутствие спеси и

заносчивости при этом сделало из врача твоего кумира. Вы очень мило поболтали с ней не только о здоровье Эрика, но и о своем, о женском, и скребущее внутри тревога и чувство вины стали отступать. Поддержка взрослой женщины — это терапия, которой тебе всегда не хватало.

Днем наблюдала за подростками. Тебе интересно, ведь Эрик быстро растет, и что с ним делать дальше — непонятно. В Юльке ты так и не разобралась, и поэтому с рвением настоящего исследователя делаешь пометки в телефоне.

Хоть и говорят, что, кроме гаджетов, им ничего не нужно, Ваня и Артем прекрасно общаются, пусть и про всякие, тебе непонятные блоксы, трикстеров и т.д. Вечером воскресенья рыжий Артем приходит в палату, сияя как лампочка. В руке пакетик с маркетплейса. Мальчишки распечатывают упаковку, снимая процесс на телефон. Там какие-то карточки, наклейки и самое, видимо, ценное, потому что возгласы, сопровождающие распаковку, становятся громче. В руках у Артема появляется какая-то не то объемная карточка, не то плоская прозрачная статуэтка. Ты с любопытством смотришь. Разбуженный громкими звуками Эрик тоже не сводит глаз с действия, сидя у тебя на руках, и расчесывая останки меха за ушками драного кота.

Когда съемки, монтаж и публикация видео завершены, осмеливаешься иходишь к подросткам.

— Можно ближе посмотреть, от чего вы в таком восторге? Мальчишки очень открытые и показывают все, в том чис-

ле статуэтку из оргстекла с изображением какого-то не то монстра, не то человека. Оказалось, что они тоже читают, но только не комментарии к законам или фэнтези, как ты, а манги, манхвы и маньхуа. Это комиксы из Японии, Кореи и Китая. Даже не путаются в названиях. Мальчишки показывают тебе и бумажную версию, и электронную. Объясняют, что такое мерч и как трудно достать оригинал. Тебе это жутко интересно.

Вернувшись в свою с Эриком кровать, ты начала представлять, как бы выглядел мерч к книге, которую читаешь семимильными шагами, пользуясь больничной тишиной и спокойствием. Случайно натыкаешься на автора в соцсети. Оказывается, все уже придумано до нас: и мерчи, и статуэтки, и целые боксы по книгам. Можно купить, но это стоит немалых денег. Да.

К ночи воскресенья ты почти отдохнувшая. Эрик покушал, походил по палате. Температура еще поднималась, но после жаропонижающего сразу упала. Поспрашивала его насчет еды дома. Он сказал, что его кормила Юлька. И однажды она даже пыталась стряпать печенье, только оно получилось мокрым. Но Эрик съел одно, чтобы не обижать тетю.

Так как Эрик в принципе не очень любит кушать, он, конечно, ничего особо не запомнил. Значит, вкусного ничего не было — чипсы или конфеты он бы не забыл. На вопрос, чем он занимался, поняла, что либо смотрел телевизор, либо играл в телефоне. Сколько раз вырвало и другие подробно-

сти сын не помнил. Не очень информативно. Может, это последствия еще прошлой прививки? Делаешь пометку: спросить у врача.

Эрик стал уверенно стоять на ножках, и ты умыла его как следует. Несомненный плюс инфекционки — душ и туалет в каждой палате.

Сын уснул у тебя под боком. Подростки тихо сидят в телефонах. Им не надо говорить, что мелкий спит, и чтобы были потише. Они сами выключили почти весь свет, оставив лампочку над дверью, и, если переговаривались, то только шепотом.

Ты не можешь уснуть и готовишься к завтрашнему дню. Все, что ты успела наотдыхать, все накопленные за время, проведенное лежа, силы растворяются в тревоге. Ты думаешь о работе. Как позвонишь и скажешь, что в больнице. Что даже с больным ребенком не появишься в кабинете, который, между прочим, специально для тебя одной.

Как не вовремя твой больничный. Даже больше, чем не вовремя — это катастрофа. Покупка бизнеса шефом в финальной стадии. Летом на бетонном заводе самый сезон, и договоры идут бесконечным потоком, как и всякие неприятные ситуации, типа перегрузов или простоев. Хорошо хоть ноутбук с тобой. Ты не успела выложить его после командировки. Он так и остался в сумке с вещами. Прорвешься. В животе что-то булькнуло и кольнуло. Хоть ты и просто лежала и не тратила энергию, видимо, микроскопические диети-

ческие больничные порции слишком маленькие для тебя. К тому же вечером немножко отъел Эрик.

Если Николай завтра позвонит, попросишь у него еды и подушку. К мальчишкам вон два раза в день ходят, а тебе даже не звонит никто. От вдруг нахлынувшей жалости к себе почти набираешь матери, но вовремя останавливаешь себя. Если расскажешь ей о командировке, то слова будут куда жестче, чем те, которые орал Николай. Мать такой патриархальной закалки, что ты вообще в платке белом должна ходить, как она всю жизнь. И глаза в пол. Ей просто повезло, что отцу это не надо. И она вроде в рамках своих представлений, но без ограничений с его стороны.

Сон не идет. Находишь в телефоне мангу. Интересно. Все-таки подростки знают толк в чтении. Проглатываешь несколько томов чего-то нового и популярного. Отвлекаешься окончательно. В принципе, больница, хоть и не номер в дорогом отеле, но лежать лежа — это круто.

Утром твое настроение портится. У Эрика новые анализы и процедуры. С работы звонят непрерывно, поэтому ты втыкаешь наушник в ухо и не убираешь, чтобы ничего не пропустить. Делаешь то, се и немного этого. Ноутбук разрядился. Но, видя взмыленную тебя, мальчишки без проблем уступают единственную розетку для подзарядки.

В обед звонит Николай и обещает приехать вечером, если не сильно устанет. Ты уже чувствуешь вкус бутера на языке или даже шаурмы. Николай приезжает после работы; за

подушкой крутиться было неудобно. Он купил печеньки и сушки, а еще хлеб, колбасу и лапшу быстрого приготовления. Чем ты это будешь резать — непонятно, где заваривать — тоже. Но он же старался. Смотришь на него и ощущаешь, как соскучилась. И как благодарна, что он все-таки позвонил и смог приехать после работы. И продуктов купил. Ты уже настроилась на колбаску. Но получаешь от санитарки детские печеньки и сушки. Все, что можно проносить. Остальное не положено. Когда пытаешься настоять, слышишь, что тебя здесь никто не держит.

Ну хоть увидела мужа. А подушку завтра привезет. Пишешь сообщение, чтобы сразу захватил ее в машину, чтобы не крутиться. Ты все больше ощущаешь твердость и негостеприимность железной больничной кровати. С подушкой было бы куда удобнее. Завтра муж устал и не смог приехать.

В среду окончательно понимаешь, что условия все-таки не очень. Маленькая бутылочка с шампунем заканчивается, печенье с сушками — тоже. На твои просьбы что-то привезти Николай отвечает, что у него и так нет сил после работы. И вообще, он не может мотаться каждый день — это такие большие пробеги для машины. Подушку он так и не привез. Ты уже выгнулась по форме кровати. Пытаешься убедить себя, что тебе норм, но получается не очень. Ты стала еще легче и смахиваешь на бабу-ягу. Эрик носится всю по палате. Он явно пошел на поправку.

В четверг вечером сыну все надоело: он активен, бодр,

свеж, он просит есть. Несчастный подранный Чирой уже не может удовлетворить все потребности в игрушках. Телефон, хоть и занимает, но не дает выхода энергии. Ты развлечь его не можешь, потому что работаешь. С текучкой удастся справиться, но по «делке века» сшит и подписан со стороны контрагента окончательный экземпляр документов, и требует твоего внимания. Сканировать такую махину, чтобы отправить тебе, никто не будет. Надо смотреть каждый символ вживую.

Пора домой. Врач заходила утром. Говорит, что результатов анализов нет, но это точно не последствие прививки. Когда ты рассказала, что Эрик ел сырые Юлькины печеньки, Ольга Семеновна заинтересовалась, ведь так могли попасть внутрь сырые яйца. Она оставляет вас еще на неделю, но если кто-то пишет отказ, то держать их не вправе. Такой вот намек... В шесть вечера привозят мальчишку лет девяти, которого рвет без перерыва. Ты боишься, что подцепите заразу уже оба с сыном. В общем, это предел. Собираешь сумку, желаешь удачи Артему и Ване, берешь Эрика за руку и идете вниз в приемный покой.

Подписываешь бумаги. Все это время звонишь Николаю. Муж не берет трубку. Наверное, устал и спит. Вызываешь такси.

Глава 4

— Мам, а почему папа не приехал?

— Устал после работы. Ты же знаешь, он очень много работает.

— Да, чтобы все купить. Юльке.

— Ты чего? Помнишь твою крутую машину? Он покупает нам всем, что нужно.

— А тебе он ничего не покупает. Даже подарок на Новый год не подарил.

Замечаешь, что в слове «подарок» прекрасная буква «р». От чего это зависит, интересно.

— Мне просто ничего не нужно. Зато мы весело отпраздновали праздник. Помнишь горку и юрту Деда Мороза? А музей шоколада? Это было круто.

Переключаешь тему. Эрик вспоминает другие праздники и возбужденно планирует свой день рождения. Он в сентябре. Тебе главное до того времени ничего не забыть из пожеланий сына.

Едете в такси. Таксист бубнит, что только сумасшедшие живут в садоводствах. А тебе что? Тебе здесь нравится. Природа живописная, дорога отсыпана, да и от города не очень далеко. Многие так живут. У вас несколько улиц заняты теми, кто, как и вы, живет там постоянно: большинство отстроили добротные дома, некоторые купили соседний участок, и

получилась целая усадьба. Огороды, плодовые деревья, море цветов. Скоро все это добавит неповторимый аромат начинающегося лета. Да, пусть немного тесноватые проезды, но это мелочи, с которыми можно мириться. Не слушаешь таксиста. Молчишь и хочешь быстрее оказаться дома, хоть и представляешь степень срача в доме и заросший огород. Ты справишься. Главное, чтобы с Эриком все было в порядке. Остальное решаемо. Мысли летят все дальше, унося тебя в следующие дни.

Эрика в садик — только через педиатра. Возьмешь его завтра с собой на работу. А там и выходные. Возможно, в понедельник уже пойдете выписываться. Больница случилась так внезапно, что тебе приходится вспоминать распорядок дня и свою прошлую жизнь.

Не замечаешь, как перед глазами появляется родная калитка. Николай трубку так и не взял. Никто не встречает. Вытаскиваешь сумку из багажника, осознавая, что больничная железная кровать все-таки сказала на твоих костях. Расплачиваешься. Эрик бежит в огород посмотреть, как подрос его арбуз. Он сам выбирал место и сажал. И ничего, что конец мая. Пока было тепло, но заморозки впереди, и ты ляжешь костями, будешь укрывать росточек, лишь бы сын мог порадоваться результату.

В ограде тишина...

Заходишь в дом, ставишь сумку. На первом этаже тихо. Но со второго доносятся невнятные звуки. Из вашей спаль-

ни. Коля, наверное, смотрит видос. Звуки становятся громче. То ли стоны, то ли крики. Голосов не разобрать. Начиная с порога веранды и по всему первому этажу раскиданы вещи: Колины, Юлькины, даже твои и Эрика. Еще фантики, банки, бутылки... Неужели нельзя хотя бы за собой убирать? Ладно, Николай к этому не приучен, но его сестра же девочка, это должно быть у нее в крови. Юльки не видно.

Поднимаешься наверх. Хорошо, что муж дома. Вам нужно поговорить. В тебе так и сидит неприятное чувство от его поведения за то время, пока ты была в командировке, и от первого телефонного звонка в больницу. После вы вроде перезванивались и списывались, но ощущение недосказанности и того, что что-то не так, терзало тебя. Да и о здоровье сына ему должно быть интересно узнать. На лестнице тебя охватывает нетерпение: ты скучала по мужу. Хочешь поскорее поговорить и залезть в кольцо его рук — теплых, сильных, родных. Пусть он говорит, что от тебя воняет больницей. Наплевать. Душ или баня — все потом.

Поднимаешься на второй этаж. Такие звуки! Что же за видео сегодня такое у Николая? Открываешь дверь в вашу спальню, смотришь перед собой. Получается — прямо на кровать. А на ней... Звуки не из телевизора, не из телефона. Звуки — из постели, на которой твой муж вбивается в Юльку, наматывая ее черные волосы на свой кулак. Ты завизжала и пулей понеслась вниз по лестнице в туалет. Там все еще пахнет рвотой Эрика, и тебя выворачивает и выворачивает

до тех пор, пока пустой желудок окончательно не прилипает к ребрам.

Слышишь шаги по лестнице. Через миг в ванную залетает разъяренный муж.

— Что ты здесь делаешь? Где сын? Вы же в больнице.

— Коль! Что это было?! Она же твоя сестра. Вы нормальные вообще? Она же молодая совсем! Ты пьяный? Ты что-то принимаешь?

Смотришь в выпученные глаза Николая. На адреналине кричишь все, что приходит в голову. От одного вида мужа опять мутит. Хорошо, что нечем. КАК? Как это разведеть...

Из коридора доносится ехидный злой смех Юльки.

— Какая же ты дура, Санька. Посмотри на нас! — Она подходит ближе и обнимает твоего мужа со спины. — Мы даже близко не брат и сестра.

Как кукла, которую дернули за веревочки, ты поднимаешь голову, смотришь... Коренастый, слегка рыжеватый Николай со светлыми серыми глазами и изящная, со смуглой кожей, черными волосами и зелеными глазами девушка. Ну да, они не похожи. И что? Отец Николая был не родной, но мать? Ты ничего не понимаешь... Слышишь сквозь шум в ушах.

— Ты же юрист? Могла бы и прочитать в документах. Когда наши так называемые предки поженились, мне было несколько месяцев. Мамаша свалила в закат, и батя нашел нормальную бабу постарше, которой кроме мужика в доме и

не надо ничего. Мамка Колина меня терпеть не могла за то, что папаша ей подсунул, а сам боты завернул через четыре года совместной жизни.

Смотришь на Николая.

— Коль, что она несет? Мы же семья. Мы же вместе столько лет! А она хоть и не сестра, но столько лет под одной крышей? Это неправильно. Прекратите все это! Я люблю тебя!

— Любишь? Серьезно? Ты, кроме себя, никого не любишь. На работу подалась, чтобы шмотки красивые носить да хвостом перед офисным планктоном вашим вертеть. Тебе просто надо где-то жить. Вот и пригrelась. Да ты дом мой и машину любишь.

— Причем здесь твой дом? Мы вместе живем. Я тоже работаю на этот дом. Да я половину его построила... И огород бы ваш зарос давно, что не пробраться до крыльца. А то, что квартиру мы в ипотеку купили, и я за нее плачу — этого недостаточно тебе? Дом? Как ты можешь меня упрекать?!

Набираешь воздух в легкие. Звук вдоха получается с каким-то бульком. Это слезы? Не смей плакать. Надо все высказать. Гордо. Вдыхаешь еще раз. Легкие распирает от избытка кислорода. Вдохнула два раза. И ни одного выдоха. Собраться с мыслями... Где вообще теперь собирать твои мысли?

С улицы забегает Эрик!

— Мам, мой албуз уже с тлемя настоящими листьями! Пап, ты видел?!

Ты понимаешь, что сейчас вся ваша отвратительная сцена превратится в мерзкий скандал на глазах у Эрика. Юлька и Николай никогда не выбирали выражения для общения с ребенком.

Не до конца осознавая, что делаешь, берешь Эрика за руку, поднимаешь больничную сумку с пола, и вы почти бегом несетесь в комнату сына. Складываешь чистые вещи взамен тех, что привезли из больницы. Идешь в спальню, закидываешь свои вещи во вторую сумку. Что не влезло или не по сезону, скидываешь в огромные пакеты с маркетплейса и уносишь в комнату Эрика. Когда разберешься с тем, где жить, надо будет приехать. Краем глаза замечаешь развороченную постель на твоей кровати, на вашей кровати...

Озноб пробегает по позвоночнику. Глаза начинают болеть от просящихся наружу слез. Но маленькая холодная ладошка сына в твоей руке не дает им пролиться. Нет. Не здесь и не сейчас. Эрик и так расстроен, что отец не отреагировал на его появление и новость об арбузе. Капелька соленой влаги все-таки выступает и жжет глаз. Держаться. Уходить. Уходить отсюда.

Боже! У тебя еще и кошка. Вернее, она не у тебя. Она просто пришла три года назад и теперь навевается время от времени — покушать и отдохнуть. Ты зовешь ее Мия, а Николай — «Рыжая бл...дь». Он точно не будет ее кормить, может, и пнет или чего похуже. Тебе негде жить, а ты думаешь о кошке. Это стресс. Или просто у тебя что-то с головой.

Главное — не напугать Эрика.

Спускаешься вниз по лестнице. Эрик топает рядом и ничего не спрашивает, прижимает Чироя, которого выудил из сумки. На последней ступеньке сын спешно убирает игрушку за спину. Ты поднимаешь глаза. У выхода, подперев косяк плечом, стоит муж. На губах — ехидная ухмылка, в руке — бутылка пива, во взгляде — чувство превосходства. Юлька в кружевном халатике смотрит на кухне телевизор на всю громкость, показывая, кто в доме хозяин.

— Ты куда на ночь глядя? Да еще с малым? Оставайся. Как решишь с жильем, переедешь. — Как будто ты бедная родственница из села, а Эрик где-то нагулянный щенок.

Ты смотришь в эти надменные, злые глаза и не понимаешь, почему раньше не замечала этого холода. Может, его и не было, он появился только сейчас? Ведь было же все хорошо! Ну да, вечно не хватало времени, какие-то разногласия... Но ты старалась. Ты всячески пыталась сделать так, чтобы мужу было хорошо, Юльке было хорошо. Чтобы тебя потом похвалили, приласкали. Ты жалась к Николаю каждый вечер, говорила, что хочешь объятий и поцелуев, как до свадьбы, но он все время был уставшим с работы. И ты жалеяла его. Ты делала еще больше, чтобы он отдохнул, пусть он от тебя только отмахивался. Если ласка нужна была ему, он принимал все: поглаживания, массаж, поцелуи. Как он мог? С Юлькой? Чего не хватало? У вас секс с ним был не так давно. Или давно? Но не настолько, чтобы забыть, чтобы захо-

теть другую... Ты ловишь себя на том, что смотришь неотрывно в его холодные серые глаза. В них металлический холод. Сталь. Финал.

Остаться здесь с ним после того, что ты видела? Он нормальный вообще?

Ты разблокируешь телефон, заказываешь в приложении такси до гостиницы недалеко от работы. Хорошо, Вероника Андреевна на планерке в подробностях описала схему заказа, номера и цены, иначе ты бы долго копалась. Ты понятия не имела, какие в городе есть отели, но к вам в командировку приезжал технолог, и ему заказывали номер в гостинице «Горные просторы». Причем здесь горные просторы? Столько мыслей в голове, цепляешь одну странную: «Ты все еще пялишься в глаза мужа и молчишь». Нужно что-то сказать и гордо поднять голову. Во рту пересохло, и говорить совсем не хочется... Хочется кричать! Хочется плакать! Хочется драться! Но надо уйти.

— Я уже оставила вам Эрика один раз, так что он чуть не умер. Нет, ни он, ни я не сможем больше здесь быть.

— Не сможете здесь быть? Это ты. А он? Может, он хочет остаться с папой?

Чувствуешь, как сын прячется подальше, к тебе за спину, будто желает раствориться в тебе, чтобы твое тело полностью укутало его, ну и облезлого Чироя заодно.

— Так уж и чуть не умер?! — продолжает Николай. — Ты вечно все драматизируешь! Задолбала своими истериками

и нытьем! И сын у тебя такой же нытик! — почти сплюнул последние слова Николай.

— Он и твой сын тоже! И ты мог бы поинтересоваться, что с ним было и какие у этого будут последствия! Все. Все. Я больше не могу. До свидания! За вещами приеду позже. Буду признательна, если в комнату к Эрику за это время вы не зайдете — ни ты, ни твоя новая любовь. Или старая? Сколько это у вас продолжается?

— Прекрати так неуважительно говорить о Юле. Конечно, все в рамках закона. Я ждал ее... Да я надеяться не мог, что она взглянет в мою сторону. Но оказалось, что она тоже влюблена в меня.

Глаза Николая засветились чем-то нездоровым, как у ма-
ньяков в фильмах. В них читались одержимость и злость. В этот момент ты осознаешь, что вы с сыном не в безопасности. Холод пронизывает все тело. Ты знаешь, что мужчина может тебя ударить. Никогда тебе не приходило это в голову, но сейчас ты видишь, что муж на грани. И без того ледяная ладошка Эрика в твоей руке холодеет. Ребенок тоже что-то подобное ощущает. Надо собраться. Надо сжать зубы.

— Что молчишь? Не ожидала,мышь серая, что в меня может влюбиться молодая красотка?

Машинально при упоминании слова «серая» пытаешься поправить растрепавшиеся в низком хвосте волосы плечом. Хочешь закрыть голову руками. Это рефлекторно, на инстинктах. Это не поможет и не спасет. Но в руках сумки и

ладошка сына, поэтому просто нужно выбраться отсюда. И никогда не слышать ни про «серую мышь», ни про то, какая ты не такая, ни про то, что могла бы делать лучше и больше. Ничего не слышать.

— Не надо больше. Пожалуйста, прекрати. Меня сейчас опять вырвет. До свидания. На развод подам сама. По поводу встреч с сыном — поговорим позже, когда успокоимся. Если захочешь.

— А чего успокаиваться? Я спокоен. Конечно, я не откажусь от сына. Выращу из него мужика.

Николай подходит ближе, когда ты уже стоишь к нему спиной, открывая дверь на выход. Вы оба с сыном сжимаетесь. Но муж треплет Эрика по голове, дышит на него пивным угаром. Эрик дергается еще больше — он всегда чувствовал угрозу от отца. Брякает сообщение: такси подъехало. Не выпуская ладони Эрика, вы быстро обуваете сандалии, буквально скатываетесь с крыльца и бегом несетесь к машине.

— Мам, а албуз?

Да, нужно попрощаться с арбузом. Вряд ли он выживет. Подходите к тщедушному растению, которого не видно в траве. Ты поливаешь его зеленой водой из стоявшей неподалеку лейки. Зачем-то набираешь из бочки еще воды и поливаешь редиску. И уже медленнее, на подкашивающихся ногах ты бредешь к машине такси. Эрик крадется сзади, не отставая ни на шаг.

За калиткой на тебя сверкает золотым зубом из-под кепки водитель.

— Дамочка, вы как от привидения несетесь. Да еще и в гостиницу. Сами целы? Может, помощь какая нужна? Утихомирить кого?

Водитель под два метра ростом. Смотришь, открыв рот. Он точно мог бы утихомирить Николая, но хорошо, что не потребовалось. Только теперь тебе страшно садиться в машину. Хоть по голосу и на вид мужчине лет шестьдесят, не меньше, но он в хорошей физической форме, и ты вряд ли сможешь ему противостоять. Замерла как мышь перед удавом, готовая то ли бежать, то ли разреветься.

— Ну не надо, так не надо. Садитесь, гражданка. Не бойсь. Думаешь сюда какой subtilный поехал бы на ночь глядя? Садоводство все-тки.

Смотришь на часы в телефоне — двенадцатый час. Это вообще удача, что кто-то приехал; обычно после семи уже не едет никто в ваши не такие и далекие дали. Еще раз смотришь на часы. Как так? Из больницы выехали в шесть. Тебе казалось, что ты пять минуток собирала вещи — и все.

Память будто стерла то, как ты опустилась на колени в детской у чемодана, то, как ты складывала свои вещи и смотрела на смятую постель, то, как ты смотрела на зажигалку мужа в спальне и представляла огромный факел вместо дома, из-за которого у тебя ни разу не было отпуска, да и просто отдыха, но который ты до сих пор любишь. Он так и не

стал твоим, как оказалось, даже наполовину.

Водитель не говорит больше ничего. И ты благодарна ему за это. У тебя есть четкий план. Гостиница. Завтра Эрик пойдет с тобой на работу. Вскидываешься, вспоминая, положила ноутбук или нет. Положила. Потом тебе надо взять аванс, снять квартиру и искать подработку. Если не вносить платежи по ипотеке, застройщик расторгнет договор. Так что из обязательных расходов — тебе нужно будет только снимать квартиру. И все. А что дальше? Жить? Как? Как это — жить самой? В общем, на долгосрочное планирование ты пока не способна. Выдыхаешь. Ты дышала до этого? Не помнишь. Не чувствуешь. Хочется раствориться в сиденье, в чужой машине, в мире, где тебе нет места...

Дышишь — ты все еще существуешь. Тебе нужен якорь. Чтобы не исчезнуть. Гладишь нежно по мягкой щечке сына.

Эрик уснул у тебя под мышкой, крепко сжимая Чироя у себя под правой рукой.

Водитель донес сумки до ресепшена «Горных просторов». Ты держишь на руках спящего Эрика, который так и не выпустил игрушку из объятий.

— Ты, это. Запиши номер мой, — сказал таксист, спотыкаясь о слова. — Я же вижу, что проблемы у тебя. Иначе зачем такая малышка с ребенком и огромными красными глазами на ночь глядя поперет туда, куда эти самые глаза не глядят? Давай напишу на листочке. Если нужно будет куда отвезти или порешать что — звони. Ты не смотри на зуб мой

золотой. В моей молодости, может, в компанию без него ребята не брали. А так — я добрый. Не твой же номер прошу.

Мужчина берет листок и ручку на стойке ресепшена. Записывает набор цифр. И имя «Валерий». Ну да. Не Стасик же. Он выглядит ровно так, как должен выглядеть Валера.

— Не потеряй, — смотрит на тебя. Потом поворачивается к администратору. — А вы сначала покажите, куда мальчика отгрузить, а потом уже мучьте оформлением твоими.

Сказал так мальчишке-администратору и вышел. А мальчик взял твои пожитки и повел в комнату. Положив Эрика на большую мягкую кровать и подписав документы внизу, ты, наконец, добираешься до ванной. И только когда лица коснулись теплые струи воды из лейки сверху, слезы хлынули из глаз, сердца, души. Ты рыдала и грызла кулак. Ты лежала в позе эмбриона в гостиничной ванне и царапала ногтями губы и запястья, желтоватую чугунную поверхность. Боль не уходила и не унималась. Боль разъедала глаза, вытекая, но внутри ее оставалось еще больше.

В голове пролетали шесть лет семейной жизни и, особенно, год ухаживаний до этого. Как Николай возникал там, где ты ходила с девчонками, как случайно проходил возле универа, когда у тебя заканчивались пары. Ваша прогулка на теплоходе. Его светящиеся глаза, когда он просил помочь с покупкой машины. Как вы радовались, что он ее купил, и катались по городу ночь напролет.

Потом предложение. Беременность. Его лицо, когда он

узнал, что будет сын. Как ты боялась, что не справишься с воспитанием Юльки. Ты и не справилась. Вспоминаешь, как переживала, что она неуправляемая. Все рассказывала мужу. Его взгляд при этом теплел. Он прощал ей все. Ты пытаешься вспомнить, и действительно не помнишь, что в документах было о матери Юльки. Это был первый триместр, единственным твоим желанием было — спать. Ты была рада, что Николай, несмотря на всю его экономичность, нанял постороннего юриста. Ты подписывала бумаги. Один раз сходила в суд. И кажется, все. Или это был не суд. Как можно это не помнить? Но реально беременный мозг был тягучим, как желе, и ты забыла, чему училась четыре года.

У тебя возникает мысль, что юриста Николай нанял неспроста. Впрочем, это и не важно. Будто ты бы не согласилась оформить все, даже зная, что Юлька неродная. Она жила с ним под одной крышей всю сознательную жизнь. Ты относилась к ней как к сестре. Ты была уверена, что муж отнесется к ней как к сестре. Что шелкнуло в этой рыжеватой голове, когда девушка повзрослела...

Чем ты больше думала, тем сильнее хотелось не думать. Когда ты вышла из душа, в окно пробивался рассвет. Кожа твоя была на месте. Душа тоже. А вот счет за воду гостиница тебе, наверное, выставит дополнительно. Кажется, ты пробыла в душе несколько часов. Ты посмотрела на руки и ноги: они были почти синими и такими сморщенными, будто тебе лет семьдесят. Чувствовала ты себя тоже на этот возраст.

Скоро собираться на работу. Спать уже не получится.

Глава 5

Работа тебя встречает миллионом дел. Эрик сидит, рисует за своим столиком, который ты оборудовала за столько лет всем необходимым. Сын очень тихий. За утро не сказал, ни слова. Обедать идете в кафе неподалеку. Хотя это и не кафе вовсе, а столовка, застрявшая между домами и где-то в Советском Союзе. Алюминиевые ложки и вилки пережили сложный период охоты на цветной металл и веселят всех загнутыми кривыми ручками и зубьями.

Эрик ковыряет порешку в тарелке и, кажется, боится брать вилку в рот, хоть ты и постаралась выпрямить ее.

— Почему ты такой молчаливый? Даже «доброе утра» мне не пожелал...

Пытаешься надавить на чувство вины немножечко. Сын должен был начать оправдываться. Однако его ответ вводит тебя в ступор.

— Не хочю тебя злить еще больше. Хватит и того, что папа тебя из дома выгнал по моей вине.

Ты уставилась на Эрика и забыла, что ешь. Хитроумный тип, не используя ни одного слова с буквой «р», сказал фразу очень серьезно и по-взрослому.

— Причем здесь ты? Мы просто не сошлись характерами с твоим отцом. Не из-за тебя. Так случается, что люди перестают понимать друг друга. И расходятся. Никто не виноват.

— Ага, поэтому ты плакала всю ночь!? — выпалил ребенок на всю столовку.

— ШШШШШ, это не имеет значения. Это наши с папой проблемы. Мне стало грустно, и я заплакала. Ты ни при чем. Он остается твоим отцом. С тобой он не разводится. Только говори со мной. Не молчи. О чем угодно говори со мной. И запомни, что ты не виноват. Подумай, о чем ты хочешь спросить, и обсудим это дома.

— Ага, дома. Мам, а где наш дом?

Его губа трясется. На глазах блестят слезы. Ты тоже почти плачешь, осознавая всю правоту пятилетнего ребенка.

Ты ведешь Эрика за руку через дорогу и понимаешь, что в поиске квартиры не продвинулась ничуть. Столько работы. Все-таки в больнице ты была не на сто процентов продуктивной. И дел поднакопилось. Заходишь в офис одновременно с любимой мелодией «Агаты Кристи» на телефоне. Охранник пристально смотрит, когда из динамика верещит: «Я на тебе, как на войне, а на войне — как на тебе!».

Николай всегда ненавидел твои песни. А ты поставила этот трек еще после первой ссоры. Сначала на него, потом и для всех звонков. Вот такой тихий дурацкий протест... Все, на что ты способна. Отвечаешь на вызов.

— Да, Вероника Андреевна. В офисе. Да, с ним. Сейчас оставлю его и приду.

Эрику не надо объяснять, что без тебя сидеть надо тихо и незаметно. И ни в коем случае не подходить к твоему столу.

Заходишь в приемную. Смотришь на красоту, она же секретарь генерального.

— Прости, Саша. Не удержала ирода. Зашел Важаев впереди тебя. С папками своими. Сейчас надолго.

— Ну я тогда пойду. Там Эрик один.

— Садись, милая. Садись. То ли он не знает, твой мышонок, как себя вести нужно.

Да, ты серая мышь, значит, сын — мышонок.

Вероника Андреевна поправила свою идеальную укладку цвета баклажана. Поставила перед тобой чашку кофе, умостила в необъятном кожаном кресле настоящего директора, отпила церемонно из своей чашки, достала зеркало, блеск для губ, обновила макияж и вопросительно взглянула на тебя. Все это время ты замороженно смотрела на женщину с большой буквы. Ни одна твоя мысль не могла пробиться в мозг. Только красный цвет помады на довольных собой губах первой сплетницы конторы.

— Ну что? Рассказывай!

— Что рассказывать? О чем вы?

— Почему глаза распухшие и красные, как у монгола на горном перевале?

— Все в порядке, — ощущаешь на себе рентгеновское зрение, приправленное сочувствием, и глаза предательски начинает щипать.

— У тебя и раньше-то не все в порядке было. А сейчас точно что-то случилось. Говори. Ты же знаешь, я кремень.

Надо признать, при всей своей языкастой натуре, про тебя Вероника Андреевна ничего не говорила. Или говорила так, что ни одного шепота за спиной ты не слышала, хоть и всякое было за эти годы.

— Я развожусь с мужем и ушла из дома. Только, пожалуйста, никому.

— А дальше?

— Что?

— Тебе негде жить? Где вы ночевали ночь с малым?

— Я ищу квартиру. Пока в гостинице, помните, которую вы нашим командировочным заказываете. Вот. Нормально все. Я пойду? Еще квартиру поищу. Спасибо за кофе. Позовете, когда директор освободится?

— Сиди уже. Проблему твою решать буду.

— Вы?

— А кто? Ты же не в себе. Сиди.

Вероника Андреевна принимается звонить знакомым. И вроде даже незнакомым. Потом знакомым знакомых. И знакомым незнакомых. Но ей все не нравится. Тебя не спрашивают. Ты абстрагировалась и представляешь, как сзади тебя сгребают в охапку медвежьих лапы с рыжеватыми закрученными волосинками и говорят, что все неправда, тебе показалось, и поехали домой, туда, где тебя любят.

— Это кошмар! — вырывают из виденья децибелы секретаря. — Грабеж. До свидания, чтоб у вас ее сорок нелегалов снимали одновременно!

— Вероника Андреевна, правда, спасибо. Но я сама.

— Да что ты сама можешь? Ты же как сомнамбула. Ты только в одну точку на стене смотреть можешь!

Продолжать разговор дальше нет сил. И желания. Хорошо, что из кабинета директора выходит Важаев. Заходишь к шефу. Аркадий Борисович, улыбаясь во все тридцать оставшихся зубов, справляется о твоём здоровье. И выписывает премию размером в оклад за удачную командировку. Ты счастливая, что не придется брать аванс, чтобы снять квартиру, выходишь в коридор и сталкиваешься с не менее счастливой женщиной цвета «баклажан».

— Я все придумала. В выходные как раз можешь заселяться. Или сегодня. Вот ключи и адрес. На столе лежит связка ключей с милым брелком-покемоном и липучая неоновая бумажка с адресом.

— Но как? У кого? За сколько?

— Садись. Помнишь мою доченьку Анечку.

— Конечно! Она же у Вас очень яркая! Ее невозможно не запомнить.

— Да такая она у меня. Сокровище мое. Так вот, она же в столице живет с мужем, с Вадиком.

Оказалось, что Аня согласилась пустить в свою пустующую квартиру на неопределённый срок тебя, Эрика и твои вещи.

— И кошку?

— И кошку, что уж там. Ты меня послушай, дорогая...

Поживи одна, успокойся. Наведи на себе красоту. Ты милашка, конечно. Но надо быть поженственнее. Это хорошо, что у нас Аркадий Борисович дресс-код ввел, а в выходные я тебя видела: как мальчишка взъерошенный. Что ни говори, а худи-муди эти ваши вообще не понимаю. Хвостик вечный твой серенький. Похитрее надо быть, чтобы локти кусать начал, на коленях приполз. Смени прическу, ноготки сделай, прикупи платьев и обязательно каблуки.

— Что? Причем здесь каблуки? Он изменил мне. Не ушла же я просто так. Понимаете, я застала его с девушкой. В нашей постели!

Ты срываешься на истерику. Плотина, которая держала слезы почти до двух часов дня, прорвалась под напором дурацких советов из прошлого века.

— Ну так ты и задумайся, почему он так поступил. Привыкли жертву из себя корчить. А сама? Приложила ли ты максимум усилий, чтобы муж не видел никого, кроме тебя? Думаешь, у меня все просто было? Видишь каждый вечер, как Генка мой ждет у проходной, пока я спущусь. И думаешь: «Повезло, — любовь». Нет, тоже все было. Он же дальнобойщиком работал по молодости. Чуть в другом городе не остался с какой-то крашеной фифой. Пока я тут вся в декрете была с Анькой, в бигудях и с молоком грудным на дырявом халате. В общаге облезлой. Деньги сэкономила на квартиру, на машину. Все для него, для ребенка. Он помаду красную и ресницы подкрученные увидел и поплыл. Не знаю, сколько

это у них продолжалось за триста километров от меня, занятой домашним хозяйством. Да только я из коматоза своего, из бессонных ночей и режущихся зубов очнулась, когда Геннадий вещи стал собирать. Говорит: «Прости меня за все, Верочка, и прощай. Люблю другую — не могу». Так какая со мной истерика приключилась. Ножницы схватила и Аньку, ору, что горло ей перережу. Слезы как из брандспойта. Плывет все перед глазами, руки дрожат, а я визжу. Гена побелел с перепугу. Кое-как Аньку забрал у меня. Говорит, побуду с ребенком, пока успокоишься. А я кошелек взяла. Все деньги из заначки выгрехала: и на квартиру, и на машину, и на пюрешки яблочные. Ушла прям в халате. Месяц в гостинице жила. Одежды себе накупила, химию на волосы сделала, покрасилась тогда в баклажан модный, — Вероника Андреевна изящно приложила ладошку к своему фиолетовому пучку, — с подругами встретила школьными. По набережной каждый вечер на каблуках гуляли. От одной и узнала, что можно курсы закончить и работать. В колледж-то не успела поступить, залетела после школы, дура безмозглая. Любовь любовная случилась. Так я к концу месяца курсы окончила секретарские и на работу пошла устраиваться. Борисыч наш тогда видный мужик был, далеко ему до пивного бочонка было. Молодой, горячий, бизнес в гору, денег куры не клюют. Сразу взял меня на работу и глаз положил. Но я нет, я кремень. Не хотела ничего больше. Навсегда будто отрезало. Только по Аньке соскучилась — на стены лезла в номере

гостиничном своем. Но держалась. Хотела квартиру снять с первой полочки и развод оформить официально. Тогда уже и ее забрать. В глубине души всегда уверенность была, что Генка справится с ней. В нем, как в отце, никогда не сомневалась, несмотря ни на что. И вот, выхожу из офиса с зарплатой первой. Отметили с девочками немного, голова в пузырьках, ноги в каблуках, юбочка — ниче не прикрывает. Стою на фоне офиса модного в огнях, под ногами вечерний город наш, красивый. Такси вызвала из приемной. Телефонов еще не было тогда таких... Передо мной машина тормозит черная, девятка на колпаках алюминиевых, сверкает вся. Такси, думаю. Открывается дверь, а оттуда Генка выходит, с Анькой на руках, чистенькой, в шубке новой, шапочке чернобурой набекрень, варежка одна до пола, на резинке болтается, а другая в рукаве потерялась, сапожки розовые, помню, сколько я на них облизывалась, в универмаге смотрела. Ах да! И с букетом еще. Роз красных-красных. Представляешь, ноябрь. Не было раньше роз в ноябре. А он встает на колени, смотрит на меня весь в слезах и говорит: «Прости меня, Вероника Андреевна, всей душой прошу, всей жизнью. Не могу я без тебя. Прости». И вот, с тех пор и дальнобоем перестал быть, каждый вечер Аньку из садика забирал, меня с работы забирал, цветы с каждой зарплаты дарил. Квартиру купил, машину. И никогда я фифу ему не поминала. Так и он не спросил ни разу, что я месяц без них делала. Приезжает каждый будний день и ждет свой след на щеке от крас-

ной-красной помады, такой же, как розы в начале ноября.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.